

БЕЛЫЙ ГОНЕЦ

Тайна Рубинового Креста

Евгений Санин

Белый Гонец

Православное издательство "Сатись"

2009

Санин Е. Г.

Белый Гонец / Е. Г. Санин — Православное издательство
"Сатись", 2009 — (Тайна Рубинового Креста)

ISBN 5-7868-0077-6

Книга Евгения Санина «Белый Гонец» является органичным продолжением уже известного читателю романа «Тайна Рубинового Креста». Она объединяет в себе две эпохи в истории России: современную – со всеми ее приметами – и древнюю, когда Русь постоянно была осаждаема половцами, и от каждого русича требовались преданность Православной вере, самое высокое мужество и истинная любовь к Отечеству. Важнейшая мысль книги – в том, что современное юношество должно унаследовать и веру, и преданность, и любовь. Автор верит, что это, пусть и через многие трудности, совершится.

ISBN 5-7868-0077-6

© Санин Е. Г., 2009
© Православное издательство
"Сатись", 2009

Содержание

Часть первая	6
Глава первая	6
Глава вторая	25
Глава третья	33
Глава четвертая	52
Конец ознакомительного фрагмента.	60

Монах Варнава (в миру Евгений Георгиевич Санин) Белый гонец

*По благословению
Архиепископа Брюссельского и Бельгийского
СИМОНА*

Автор сердечно просит помолиться о здравии игумена Виссариона (Остапенко), раба Божиего Андрея со чады и о упокоении рабы Божией Ларисы.

Часть первая Деревенский Китеж-град

Глава первая Печать Мономаха

Стас приложил трубку к уху и удивился еще больше...

Обычный вечер в семье Тепловых не предвещал ничего необычного, как вдруг в комнате Стаса раздался жуткий вой милицейской сирены.

– Стасик! – взмолилась хлопотавшая на кухне мама. – Ты когда-нибудь сделаешь тише звук своего телефона? Я каждый раз вздрагиваю, когда тебе звонят!

– А это не звонок, это сигнал, что пришла смс-ка! – отозвался Стас и радостно крикнул: – Ого, из Покровки!

На маму эта новость не произвела никакого впечатления.

– И вообще, сколько уже можно сидеть за компьютером? Ужин давно готов! – продолжала она. – Сережа, хоть ты скажи ему!

– Сейчас-сейчас, только статью допечатаю... – послышалось из папиного кабинета.

– Не дом, а прямо интернет-кафе, в котором, кстати, можно и умереть с голоду! – В мамином голосе зазвучали металлические нотки: – Но лично меня это не касается! Я уже села за стол! А вы будете есть ваши любимые оладьи – холодными!

Такая угроза мигом подействовала на Сергея Ивановича. Предвкушая вкусный ужин, он подсел к жене, потер ладони и недоуменно сощурился на пустующее место сына.

– А... Стас где?

Мама с насмешкой посмотрела на него:

– А это я сама у тебя давно хотела спросить! Он день и ночь от компьютера ни на шаг не отходит. Все что-то ищет, скачивает, распечатывает... Может, отобрать пока у него этот компьютер?

– Да ты что! – возмутился Сергей Иванович. – Парень купил его на честно заработанные деньги, и за это, по нынешним временам, я просто горжусь им!

– Я тоже!.. Но сам рассуди: первую половину лета он проработал в археологической партии, вторую сидит за этим компьютером. А отдыхать когда? Три недели до школы осталось! А ведь девятый класс на пороге!

– М-да... Ситуация, конечно!.. Надо что-то решать...

– Что?

– Еще не знаю. Но... выход обещаю найти!

– Когда? – в голосе мамы снова зазвенел металл.

– Завтра... сегодня... ну хорошо, сейчас! – сникая под ее взглядом, клятвенно прижал руки к груди Сергей Иванович.

– Ладно, – согласилась мама. – Но если нет, то я найду его сама! Я...

– Мам! Пап! – не дал ей докончить, врываясь на кухню, Стас. – Смотрите, что нам Ванька из Покровки прислал!

– Нам? – недоуменно взглянул на сына папа. – Насколько мне известно, он ведь твой друг!

– Да, мой! Но то, что в письме касается всех нас. Вот, слушайте... «Есть возможность выгодно продать ваш дом. Срочно передайте доверенность на имя моего... то есть Вани, – уточнил Стас, – отца с бригадиром поезда».

– Вот те раз! – удивилась мама. – Когда хотели продать, то и копейки за него не давали. А тут сами предлагают. Да еще и выгодно. Что скажете?

– Заманчивое предложение... – принялся размышлять вслух Сергей Иванович. – Все равно мы туда не ездим, слишком далеко. Можно продать, добавить и купить что-нибудь поближе... Ну так что, голосуем?

– Я – за! – первым согласился Стас и, подумав, вздохнул: – Жаль только, что мы теперь без Покровки останемся.

– Ничего страшного! Я тоже не против! – решительно подняла руку мама.

– Единогласно! – подытожил Сергей Иванович. – Не понимаю только, почему Ваня лично не позвонил?

– Так они ведь бедно живут! Смс-кой дешевле! – объяснил Стас. – Да и принято так сейчас! Я ему тоже письмом сообщу, когда доверенность передавать будем.

– А кстати, когда будем ее отправлять? – уже деловым тоном уточнила мама.

– Ну... сегодня все нотариальные конторы уже закрыты!.. – как всегда нерешительно, когда дело касалось домашних проблем, начал было Сергей Иванович, но мама остановила его:

– А твой нотариус на что?

– Какой еще нотариус?

– Тот самый, которому ты делал операцию на сердце!

– А-а! – сразу вспомнил отец. – Он, конечно, может помочь, и даже просил обращаться к нему, если что, но как-то неловко беспокоить человека во вне рабочее время...

– А ты у его постели не дежурил день и ночь, когда он целую неделю был между небом и землей? – напомнила мама.

Сергей Иванович посмотрел на нее, молча пожал плечами, сходил в свою комнату и вскоре вернулся:

– Все, – доложил он. – Можно ехать за доверенностью. Это как раз по пути на вокзал! Можешь отправлять письмо своему другу!

Стас потянулся к телефону, но тот, опережая его, зазвонил сам.

– Ванька! – взглянув на номер звонившего, удивился Стас. – Легок на помине! Уже сам звонит!

Он приложил трубку к уху и удивился еще больше. Вместо Ваниного голоса в трубке слышался срывающийся шепот его сестры – Лены.

– Стасик! Это ты? Ты слышишь меня?

– Да, только говори громче! – попросил Стас.

– Не могу! Ванька услышит...

– Ну, хорошо, хорошо, говори!

– Ты получил письмо от Вани?

– Да, – глядя на родителей, подтвердил Стас. – И можешь передать ему, что мы сегодня же отправляем доверенность...

– Нет! – забывая про осторожность, вскричала Лена и снова перешла на шепот: – Не надо ее отправлять! Ты лучше сам приезжай!

– Зачем?!

– А затем, что Ваньку спасти надо! Он, хоть и алтарником в храме работает, а сам... сам... И вообще тут такое творится!.. Ой, не могу больше говорить – Ванька идет! Приедешь – сам все увидишь...

Стас недоуменно посмотрел на замолчавший телефон:

– Ничего не понимаю...

– А что, собственно, случилось? – поинтересовался Сергей Иванович. – Что сказал Ваня?

– Да это и не он вовсе, а Ленка... – пожал плечами Стас. – Говорит, там что-то с Ванькой такое, что выручать надо. А что... как... я и сам не понял!

– А ты поезжай и разберись!

– Что? – не понял Стас.

– Поезжай! – повторил папа. – Другу поможешь, а заодно и доверенность передашь!

Стас ошеломленно посмотрел на отца, потом, в уверенности, что получит поддержку, на маму, но та неожиданно согласилась с мужем.

– А что? – подхватила она. – Папа дело говорит! Ты только обратно особо не торопись, а отдохни там недел ьку-другую...

– Значит, принимается единогласно! – подытожил Сергей Иванович.

– При одном воздержавшемся – в смысле, от поездки! – уточнил Стас.

– Это еще почему? – насторожилась мама.

– Некогда мне разъезжать! – объяснил Стас. – У меня же работа!

– Какая работа? – не понял Сергей Иванович.

– Как какая? Владимиру Всеволодовичу помочь привести в порядок результаты экспедиции!

Но Сергей Иванович словно не расслышал.

– Какая еще работа? – повторил он.

– Ну, ведь не все же академики могут обращаться с компьютером так, как ты! – с дрожью в голосе продолжал стоять на своем Стас. – Владимир Всеволодович старомоден, он вообще технику не признает, зато с закрытыми глазами по любому глиняному черепку может определить, чем он был в Древней Руси!

– Я спрашиваю, какая может быть работа, – повышая голос, в третий раз сказал Сергей Иванович, – когда твоему другу требуется помощь? Я только что говорил, не при тебе будет сказано, что горжусь своим сыном, а он...

– Что он? То есть – я? – с вызовом переспросил Стас.

– А то, что как можно гордиться человеком, который в трудную минуту отказывается помочь тому, кому плохо? Тем более, если это – твой друг!

– Да я разве отказываюсь?.. – опустив голову, пошел на попятную Стас. – Я даже не сказал что против, а только, что воздержался...

– Так значит, едешь? – обрадовалась мама.

– А куда я денусь? Конечно!

– Вот и договорились! – кивнул Сергей Иванович и, шепнув сыну: «А своему архаичному академику можешь и в Покровке помочь – с помощью ноутбука!», громко сказал: – А теперь отправляй смс-сообщение другу и бегом собираться в дорогу! Немедлен...

– ...но! – охотно подхватил Стас.

– И никаких «но»! – с деланной строгостью поднял указательный палец отец.

Была у него с сыном такая игра, особенно когда он бывал им доволен.

На этот раз, в предвкушении встречи с Ваней, которому нужно было помочь, и Леной, которая просила об этой помощи, был доволен и Стас. Он взял в руки телефон, бегло набрал: «Доверенность готова. Завтра встречай!» и, отправив это в далекую Покровку, помчался в свою комнату.

Сергей Иванович одобрительно посмотрел ему вслед и победно оглянулся на жену:

– Вот тебе и решение всей проблемы!

Начавший было уже зевать в кулак, Ваня вдруг оживился...

Разбуженный, поднятый ни свет ни заря, вызванный на перрон бригадир поезда никак не мог взять в толк, чего хочет от него, одетый по последней городской моде, деревенский парень.

– Какая доверенность? Какая стамеска?! – сонно переспрашивал он.

– Да не стамеска, а смс-ка! – показывая телефон, горячился парень. – Вот: «Доверенность готова. Завтра встречай!»

– Вот и встречайте! А я тут при чем?

Бригадир длинно зевнул и уже собрался уходить, но парень ухватил его за рукав форменной куртки:

– Мне что, милицию вызывать? – теряя терпение, нахмурился бригадир.

Парень отпустил его локоть и пробормотал:

– Да нет! Я же узнать только...

– Так-то оно лучше! – бригадир поднялся в вагон, обвел проснувшимся взглядом лес, поле, колокольню, виднеющуюся вдалеке, и уже миролюбиво спросил: – Какая хоть это станция?

– Покровка! – машинально буркнул парень. Электровоз дал гудок, дверь вагона начала закрываться, и он с последней надеждой крикнул: – Скажите, а может, есть еще один бригадир?

– Есть! – слышалось в ответ. – Только в другом поезде, встречном! До свидания, молодой человек, то есть прощайте!

– Что же мне теперь делать?..

Парень растерянно осмотрелся по сторонам и вдруг увидел подходящего к нему Стаса.

– Ванька! – улыбаясь, тянул он еще издали руку. – Здорово!!!

– Привет...

– Как ты?

– Да всё, тьфу-тьфу-тьфу, слава Богу! – смешал Ваня суеверное тьфуканье с прославлением.

От неожиданности Ваня даже не сразу подал ладонь и как-то вяло ответил на рукопожатие.

– А вырос-то как! – Стас радостно хлопнул его по плечу и с нескрываемым удивлением оглядел друга. На том были фирменная кепка, короткая куртка из тонкой кожи, очень дорогие футболка, кроссовки и джинсы. В руке – телефон самой последней модели...

«Вот тебе и бедно живут! – с удивлением подумал Стас. – И чего это Ленка сказала, что Ваньку спасать надо? По его виду этого никак не скажешь! Разве что только расстроен немного...»

У Стаса было, наверное, не меньше тысячи вопросов к Ване, но не успел он задать и первый, как к ним подошел худощавый мужчина болезненного вида и, извиняясь, спросил:

– Скажите, как здесь пройти к могилке вашего святого?

– Святого? – недоуменно переспросил Стас.

– Ну да, отца Тихона!

Стас с удивлением посмотрел на Ваню, но тот, как ни в чем не бывало, буднично, словно речь шла о дороге до магазина, ответил:

– Пойдете прямо по этой дороге, не доходя до села, свернете на кладбище, там в левом углу найдете его могилку.

Обгоняя мужчину, они направились дальше, но их еще раза три останавливали и задавали все тот же вопрос. Ваня так же буднично отвечал.

– Надо же! Как стали почитать отца Тихона! И правда, совсем как святого... – поразился Стас.

– Еще бы! – солидно кивнул Ваня. – После обращения к нему, знаешь, сколько людей исцелилось! А некоторых он даже от тюрьмы спас!

Последней, с кем поравнялись они по пути, была старушка. Она ни о чем не спросила, зато с нескрываемой завистью вздохнула:

– Счастливые вы, рядом с таким угодником Божьим живете! А мне за сто верст пришлось сюда добираться, чтобы помолиться за свою заблудшую дочь...

– Слыхал, Вань? Счастливые вы! – подтолкнул локтем друга Стас, но тот почему-то неожиданно помрачнел и ничего не ответил.

Больше на платформе никого не было. Только вддали виднелись фигуры людей, спешащих из Покровки на станцию к идущему вскоре после скорого – местному поезду. Стас приготовился, наконец, без помех расспрашивать Ваню, но тот, дойдя до ступенек, ведущих вниз, неожиданно попросил:

– Погоди, я сейчас!

И направился к большой черной иномарке, стоявшей около здания вокзала.

«Неужели и эта машина его?!» – мысленно ахнул Стас.

Но нет – из иномарки вышел элегантный мужчина с ярко-желтой кожаной папкой под мышкой, и следом за ним – трое крепких парней, явно охранники.

Ваня, виновато разводя руками, что-то объяснил мужчине, затем, судя по жестам, что-то клятвенно пообещал ему и, вернувшись, уже как ни в чем не бывало, сказал:

– Пошли, что ли? Только давай прямо через поле!

Друзья сошли с дороги и направились по тропинке, которой мало пользовались местные жители, к Покровке.

– Это, конечно, хорошо, что ты сам приехал! – первым нарушил недолгое молчание Ваня. – Только зачем было тратить на билеты? Хватило бы и доверенности. Ты как к нам... надолго?

От Стаса не укрылась запинка в голосе друга. «Странно!» – подумал он, а вслух уклончиво ответил:

– Да я еще сам не знаю... Отец с матерью советуют отдохнуть, а у меня, как нарочно, работы по горло!

Ваня понимающе кивнул и, явно подчеркивая тоном, что трудится в храме, назидательно заметил:

– Родителей, конечно, следует уважать. Но и работа – тоже дело святое! Сам Бог заповедал нам трудиться в поте лица! Ничего, так уж и быть, я тебе помогу – по старой дружбе!!

Ваня улыбнулся Стасу и в первый раз изучающе посмотрел на него:

– А тебя тоже почти не узнать! Добавил, наконец, к своему росту – плечи! И загорелый, словно не из Москвы! Что, отец, как академиком стал, столько теперь зарабатывает, что вы можете отдыхать по-человечески?

– Нет, это я на археологические раскопки ездил! – охотно объяснил Стас.

– И как там?

– Здорово! Представляешь, своими руками находить то, чем пользовались наши предки сотни лет назад...

– Да я не о том! Хорошо хоть там платят?

– На нормальный компьютер хватило! – пожал плечами Стас, которого слегка покоробил этот вопрос.

– Ну а себе взять чего-нибудь ценного можно? – даже не заметил этого Ваня.

– Да ты что!!! Там с этим, знаешь, как строго?

– Так я тебе и поверил! – Ваня хмыкнул и с лукавинкой подмигнул другу: – Небось, одну-другую вещичку-то прикарманил – из золота? А?

– Какое там золото? – удивился Стас. – Одни черепки! В лучшем случае – бронзовые пуговицы, медные бляшки...

– У-у! – разочарованно протянул Ваня. – Такого добра и у нас хватает!

– Да разве на раскопках это главное? – засмеялся Стас.

– А что же еще?..

– Как – что? Там главное – своими руками прикоснуться к тому, на что в музее можно только через стекло смотреть. А поздно вечером, после работы, ляжем все вокруг костра... В небе звезды – те самые, что послали свой свет, когда еще жили те, кого давно уже нет. А Владимир Всеволодович, это наш руководитель, академик, между прочим, рассказывает, как они жили, во что одевались, что пели, да так, что начинаешь представлять, как это было на самом деле...

Начавший было уже зевать в кулак, Ваня вдруг оживился:

– Слушай! Может, тебе исторические романы писать? Говорят, за них платят неплохо. А еще лучше в кино податься, этим, как его – сценаристом. Я слышал, там такие заработки!..

– Да что ты заладил заработки... заработки! – не выдержал Стас.

– А как же без них? – Ваня даже остановился от изумления. – Жить-то на что-то тоже ведь нужно! И думаешь, ты один, что ли, к старине прикоснулся? Я тут тоже немного с миноискателем прошелся.

– И как?.. – затаив дыхание, подался к нему Стас.

– Да так... – Ваня огладил свою куртку, поправил кепку и легонько пнул небольшой камешек. – Нашел кое-что!

– Покажешь?

– О чем разговор? Мы ведь друзья! Кстати, и для тебя там подарочек есть...

– Вот спасибо! – обрадовался Стас. – Помнишь, значит, еще, что я старину люблю!..

Тропинка подняла друзей на взгорок, и он с восторгом огляделся вокруг.

– Привет, Покровка! – подняв руку, прокричал он.

– Не Покровка, а Покровское! – поправил Ваня.

– Ах, да, теперь же ведь здесь храм, значит не деревня, а село! – вспомнил Стас. – Ух ты, какую вы колокольню отстроили! Молодцы!

Но Ваня почему-то никак не отозвался на похвалу, наоборот, даже слегка помрачнел.

– А звонарь-то хоть кто?

– Ни за что не угадаешь – Ленка!

– Да ты что!.. Может, зайдём в храм? – предложил Стас и в ответ услышал короткое:

– Некогда!

– Тогда, значит, прямо к тебе домой?

– Нет. Туда тоже нельзя.

– Почему?

– Отец у нас пить стал... Зачем тебе это видеть? – с болью в голосе ответил Ваня и, еще больше помрачнев, весь ушел в себя.

Стас, как мог, пытался расшевелить его. Увидев большой водоем за Покровкой и поселком коттеджей, которые были больше похожими на дворцы, он искренне стал хвалить:

– Надо же – какое озеро сделали! Целое море! Ох, и рыбы, наверное, в нем... Сходим на рыбалку?

Ваня хмуро посмотрел на широкое, темное озеро и ничего не ответил.

– И дамбу даже построили! – продолжал Стас. – Это чтобы Покровку не затопило, да?

Ваня как-то странно посмотрел на него и с подозрением спросил:

– С тобой в поезде случайно никто из наших не ехал?

– Нет, а что?

– Да так! – сразу же успокоился Ваня.

«Нет, тут явно что-то не то... – покосившись на него, подумал Стас. – Но – не будем торопить событий! Как любит говорить Владимир Всеволодович: черепок к черепку, пуговка к пуговке, – точнее конечный вывод будет!»

И он задал самый обычный, невинный, вполне законный вопрос:

– Может, хоть в магазин зайдем? Я себе что-нибудь на завтрак куплю!

Но Ваня и тут отрицательно покачал головой:

– Нет, все, что надо, я тебе сам принесу. Идем прямо к тебе домой, и вообще пойдем огородами! – отрезал он.

Стас во все глаза уставился на него:

– К чему такая таинственность?

– Есть причины. Потом объясню. Пока скажу только, что тут не все так просто, и, по крайней мере, до продажи дома ни ты, ни тебя никто не должен видеть!

– Как! Даже Ленка?!

– А она в первую очередь!

– Но почему?!

– Да хотя бы потому, что у нее и без тебя своих дел хватает!

Ваня окончательно замолчал и быстро повел Стаса по густой траве, мимо деревьев, тыльных заборов, пахнувших хлевами и свинарниками.

– Ну вот, слава Богу, что никто не заметил! – наконец, дойдя до дома Стаса, облегченно выдохнул он и тут же с досадой сплюнул. Стас проследил за его взглядом и увидел Лену. Повзрослевшая, совсем уже девушка, она стояла у ворот и одной рукой приветливо махала ему, а другой покачивала стоявшую перед ней... коляску.

Стас надкусил яблоко и стал лихорадочно думать, как ему быть.

Ваня с ничего хорошего не предвещавшим видом приблизился к сестре и грозно спросил:

– А ты чего здесь делаешь?

– Тебя забыла спросить! – без тени страха отмахнулась Лена и, отвернувшись от брата, радостно заулыбалась: – Здравствуй, Стасик!

– Привет... – ошеломленно, совсем как недавно Ваня, выдавил Стас, неверными шагами обошел вокруг Лены и заглянул в коляску:

– А... это... чье?!

– Не бойся, пока еще не мое! – засмеялась Лена и с интересом оглядела Стаса:

– Ой, Стасик, какой же ты стал! Совсем не узнать – и внешне, и вообще... Наши девчонки к оконным стеклам приклеятся, когда ты мимо идти будешь! Но мы им окошки-то посчитаем, чтоб на нашего Стаса не заглядывались, – правда, Ваня?

– Некогда мне всякой ерундой заниматься! – буркнул тот.

– Ах, да, ты же ведь у нас теперь только деньги считаешь! – с усмешкой заметила Лена и, достав из висевшей на ручке коляски сумки большое красное яблоко, протянула его Стасу: – Угощайся, Стасик, угощайся! Тебе, Ванечка, тоже дать? – словно продолжая издеваться, вынула она еще одно яблоко: – Смотри какое – наливное, спелое, сладкое!

Ваня засопел и ничего не ответил.

Лена снова приветливо обратилась к Стасу:

– Ну, как там в Москве? У вас, наверное, уже арбузы, дыни всюю продаются?

Стас, хрустя яблоком, равнодушно пожал плечами:

– Как всегда, шум, суета... И этого добра тоже хватает!

– Да, далеко нам до вашей столицы! – вздохнула Лена. – Места у нас безарбузные, бездынные, а некоторые, – показала она глазами на брата, – еще и бездонными их сделать хотят!

Ваня, вспыхнув, открыл рот, но Лена, не давая себя перебить, уже собралась выпалить что-то еще, наверное, самое главное, как ребенок вдруг заплакал, и она вынуждена была склониться над ним.

Воспользовавшись этим, Ваня подошел к Стасу и, как можно небрежней, спросил:

– Ну, где там твоя доверенность?

– В сумке!

– Давай ее скорее сюда!

– Сейчас!

Стас снял с плеча свою сумку, Ваня весь подался к нему, выпуская из виду Лену, и та, оставив плачущего ребенка, принялась так отчаянно махать руками, что Стас понял: надо что-то срочно придумать, чтобы остаться с ней наедине...

И придумал.

– Я ведь для этого сюда и приехал! – открывая сумку, тоже, как можно будничнее, сказал он и, словно вспомнив о чем-то, снова закрыл ее. – Но сначала ты, кажется, обещал мне кое-что показать!

– Ах, да! – вспомнил Ваня. – И даже подарить...

Стас надеялся, что его друг, пойдя за найденными старинными вещами, даст ему возможность выслушать Лену.

Только и тот был начеку.

– Ленка! – окликнул он. – Иди домой и принеси из сарая... ну, то, что я для Стаса сберег!

– Откуда я знаю, куда ты все это положил? Сам, что ли, не можешь сходить? – качая коляску, огрызнулась та.

– Я и так на службу опаздываю. А ты забыла, видать, что отец Михаил велел тебе во всем меня слушаться?

– Ну, так уже и во всем! – возразила Лена и топнула ногой. – Если что-то не по заповедям будешь заставлять меня делать, хоть убей, а не сделаю!

– В том, что я попросил, нет ничего противоречащего им! – резонно заметил Ваня и с угрозой спросил: – Так как, сказать отцу Михаилу, что ты у него не послушница, а ослушница? Смотри, без причастия ведь на праздник оставит!

– Не надо... – сразу сникла Лена и с надеждой подняла на Стаса глаза: – Стасик, а ты тоже с нами пойдешь?

– Нет! – жестко ответил за друга Ваня. – Он останется здесь. Ему нужно отдохнуть с дороги!

Стас виновато развел руками, мол, ну что я могу поделаться с твоим братом?

Лена вздохнула и согласилась:

– Ладно! Только я вам коляску оставлю! Сам же ведь мне сказал – быстро!

И, протянув Стасу второе яблоко, убежала.

– Поделимся? – с готовностью предложил Стас.

– Ешь сам! – отмахнулся Ваня, хотя, судя по глазам и вздоху, не прочь был полакомиться яблоком. – Если что, там в сумке еще есть! Ты лучше мне доверенность свою доставай!

Стас надкусил яблоко и стал лихорадочно думать, как ему быть. С одной стороны, нельзя было больше отказывать другу, а с другой – он хотел дождаться Ленки и понять, чего она хочет и о чем пытается его предупредить своими отчаянными знаками.

К счастью, в дальнем конце улицы неожиданно показалась мужская фигура.

– Григорий Иванович! – ахнул Ваня. – Только его тут сейчас не хватало... Идем скорее к тебе домой!

Ваня толкнул коляску, отчего ребенок снова заплакал, и заторопился в дом. Стас едва поспевал за ним следом.

В доме, как это бывает, когда в нем долго не живут люди, пахло плесенью, пылью и еще чем-то прелым.

Стас прошел в свою комнату, поставил сумку на стол и первым делом принялся открывать окно.

– Что ты делаешь! – бросился к нему Ваня. – Заметят же!

– Ну и что? – оглянулся Стас. – Угорать нам теперь в такой духоте? А если кто и заметит, что здесь кто-то живет, то скорей из-за детского крика!

Он подошел к коляске и принялся осторожно качать ее, пытаясь убаюкать ребенка. Но тот не успокаивался.

– Ленка нарочно оставила его, чтобы он не дал поговорить нам! – кипятился Ваня, подстраиваясь рядом.

– Да, голосистый! – подтвердил Стас и, приоткрыв полог, удивленно всмотрелся: – Ой, а лицо-то какое знакомое...

– Еще бы не быть знакомым! Ведь это же – Нинкин!

– Н-нинкин? – голос Стаса дрогнул.

– Ну да, она попросила Ленку причастить его сегодня на службе!

Ваня с сочувствием покосился на друга: не забыл, оказывается еще тот свою первую любовь...

Стас старательно прикрыл полог и, не узнавая своего голоса, спросил:

– А... отец кто?

– Отец – законный! – чем мог, успокоил друга Ваня. – Я сам при их венчании отцу Михаилу помогал. Помнишь сержанта, которого Нинка за то, что тот служил в Чечне, сержантом звала? Он! Теперь он у нас участковый. Страшина!

– Старшина-страшина, здорово! – через силу усмехнулся Стас. – Опять Ленка придумала?

– Нет, теперь уже я... то есть мы!

– Кто это мы?

– Какая тебе разница! – закусил губу Ваня, поняв, что сболтнул лишнее.

– Как какая?.. – Стас нахмурился и пристально посмотрел на друга. – Слушай, Вань, хватит темнить! Всяких страшилок по телевизору посмотрелся? К чему такая таинственность вокруг обычной купли-продажи деревенского дома? Ты же ведь обещал рассказать!

Ваня подумал и сказал:

– Значит, так. Объяснять долго. А времени мало, сам слышал, мне, как назло, уже на службу пора. Да еще и этот крикун орет! Поэтому я коротко. К тому же сейчас сюда должен подъехать человек за твоей, между прочим, доверенностью!

– С желтой папкой и при охране?

– Заметил, значит... – неодобрительно покачал головой Ваня. – Ну да ладно. Коротко говоря, цены на недвижимость, и особенно на землю, у нас резко подскочили.

– Что, сибирскую нефть в здешних краях нашли или якутские алмазы? – с усмешкой полюбопытствовал Стас.

– Зря улыбаешься! – упрекнул его Ваня и, морщась от крика ребенка, прислушался к звукам за окном: – В общем, так! Еще короче: красная цена этому дому 50 тысяч рублей. А я сделаю так, что вам за него дадут 150. «Кто, как, почему» – тебя не касается!

– Но почему?

– Ну вот, сразу же – почему! Ну так уж и быть, открою, как другу. – Ваня приблизил лицо к самому уху Стаса и прошептал: тут замешана мафия! Но не беспокойся, и главное, родителям ничего не говори – я все беру на себя! Ты мне доверенность, я тебе сразу же – деньги. И – сегодня же встречным поездом обратно, домой! Ну, как тебе такое предложение?

«150 тысяч, когда мы, и правда, в лучшем случае ожидали получить 50, – обрадованно подумал Стас и тут же спохватился: – Но почему сразу домой и... что же хотела сказать мне Ленка? Когда же она вернется?.. Туда три минуты, обратно столько же, минут пять на поиски... Итого, в лучшем случае 10, а прошло самое большее 5...»

Надо было тянуть время. Тем более был серьезный повод для этого.

– Как это уехать прямо сегодня? – возмутился он. – Я хотел еще в храм сходить, на могилку к отцу Тихону... И потом я родителям обещал хоть немного отдохнуть. Нет, мы так не договаривались! Я так не согласен! – заявил он, искоса наблюдая за другом, в котором явно происходила какая-то внутренняя борьба. Ваня морщился уже явно не от криков ребенка и даже перестал прислушиваться к тому, что за окном. И, наконец, решился.

– Ну ладно... я даже на это согласен! – глухо сказал он и встряхнул головой: – Но предупреждаю: если тебе потом вдруг что-то не понравится, я не виноват! Сам остаться решил!

– Да что мне может не понравиться? – удивился Стас. – Предложение самое выгодное. От здешней мафии ты, надеюсь, меня защитишь...

– Так что – по рукам?

Стас мгновение поколебался и – будь, что будет! – потянул ладонь. Ваня уже торжествовал, предвкушая победу. Но в тот самый момент, когда их руки должны были встретиться, в комнату с тяжелым грязным ведром ворвалась... Ленка.

Очевидно, ей удалось не пробежать, а пролететь туда и обратно.

– Я не опоздала? – с порога закричала она и весело, хотя в ее глазах появился ужас от увиденного, спросила: – А о чем это вы тут спорите?

Ваня с ненавистью покосился на сестру и нехотя опустил руку.

– Так о чем спор-то? – не отступала от своего Лена.

– О том, какого сорта твои яблоки! – успокаивая, незаметно подмигнул ей Стас. – Ваня говорит, что это соседские, а я утверждаю – антоновка!

– Все верно, оба вы правы! Это яблоки из сада нашего соседа, Антона Степановича! – Лена положила на стол тяжелую коробку, к которой, забывая обо всем на свете, кинулся Стас, и вернулась к коляске. И вот же ведь юные женские руки: ребенок сразу успокоился и затих.

– Как! Ты создаешь новую науку? – во все глаза уставилась на Стаса Лена.

Стас вынимал из ведра один за другим грязные черепки, покрытые зеленью и ржавчиной железки, и с видом знатока пытался объяснить, что это такое.

– Обломок глиняный, скорее всего ручка от кувшина... медная подвеска, возможно, от конской сбруи... ого, похоже на наконечник стрелы... – подражая тону Владимира Всеволодовича, деловито перечислял он.

Лена, на цыпочках отойдя от коляски, заглядывала через плечо Стаса и все время пыталась что-то шепнуть ему на ухо.

Ваня кусал губы в нервном ожидании, когда все это кончится, то и дело оттесняя плечом сестру.

Они, кажется, оба старались помешать друг другу остаться и поговорить с ним наедине.

– Стас, давай побыстрее! – не выдержал, наконец, Ваня. – Далась тебе эти железячки...

– Да ты что? – заступился за предметы старины Стас. – Это ведь наша история!

– История... история... – желчно передразнил Ваня. – Да кому она теперь нужна, эта твоя история?

– Как это? – рука Стаса застыла на полпути за новым предметом. – Ты что, не знаешь? Кто выстрелит в прошлое из пистолета, в того будущее выстрелит из пушки!

– Это ты сам написал? – со скрытым восторгом, осторожно уточнила Лена.

– Нет, Расул Гамзатов, – коротко ответил Стас и продолжил: – Кусочек старинного ключа... бусинка... какая-то металлическая накладка от чего-то... вроде бы, гвоздь...

– Какой же это гвоздь? – засомневался Ваня. – Вместо шляпки – лопаточка! Разве такой забьешь?

– Ну, гвоздь не гвоздь, а все вещи явно древнего происхождения! – уверенно заявил Стас. – Единственное, чего не могу точно сказать, какого они века. Владимир Всеволодович – тот бы сразу определил, а я пока не могу! – честно признался он.

– А кто это, Владимир Всеволодович? – заходя с другой стороны, поинтересовалась Лена. Ваня тут же подался за ней.

Поглощенный изучением содержимого ведра, Стас даже не заметил этого.

– Ученый историк, академик... между прочим, друг отца Тихона, когда тот еще не был отцом Тихоном! – машинально ответил он. – Я с ним в археологической партии работал, а теперь помогаю систематизировать наши находки и сопоставлять с теми, что были найдены раньше. Рисунок к рисунку, строка к строке, страничка к страничке – полнее выводы будут!

– Сколько хоть платит за каждую страницу? – поинтересовался Ваня и, в который раз, оглянулся на окно. Воспользовавшись этим, Лена успела шепнуть:

– Только не продавай дом!

Стас быстро кивнул ей, мол, понял и громко ответил:

– А насколько! Я ему просто так помогаю! Бесплатно...

– Бесплатно... – презрительно скривил губы Ваня.

– Учись, учись, Ванечка! – посоветовала Лена. – Это как раз тот случай, когда слово «бесплатно» пишется с буквой «з», а не «с».

– Почему, у меня тут тоже есть свой интерес! – справедливости ради, признался Стас.

– Вот видишь! – обрадовался Ваня. – И запомни, Ленка: в мире теперь ничего не делается бесплатно!

– Ну, если не считать за плату то, что я, благодаря этому, создаю новую науку... – стараясь сделать это как можно скромнее, уточнил Стас.

– Как! Ты создаешь новую науку? – во все глаза уставилась на него Лена. – А как она называется?

– Не знаю. Названия пока еще не придумал...

– А ты хотя бы приблизительно! – усмехнулся Ваня, не поверивший ни единому слову друга. – Что это: новая химия или старая физика?

– Ну, хорошо, попробую объяснить, – не принимая иронии, согласился Стас. – Про геополитику слышали?

– Еще бы! – кивнул Ваня. – Это когда ученые подсказывают президентам и бизнесменам, как лучше поступать, – шепнул он сестре и уже с интересом взглянул на Стаса. – Очень даже выгодное дело!

– Так вот, а я хочу создать, так сказать, историческую геополитику, – пропуская слова друга мимо ушей, продолжил Стас. – Чтобы на примере уроков истории люди могли прогнозировать свое настоящее и будущее. И не бились головой об одни и те же углы, с периодичностью в один век, а то и чаще! Начну, разумеется, с истории России. Как говорится, «своя рубашка ближе к телу»! Ну а потом, конечно, придется расширяться, потому что в этой исторической геополитике все взаимосвязано.

– Историческая геополитика! – с восхищением прошептала Лена и погладила то, что Стас назвал кусочком старинного ключа. – А говоришь, названия нет...

– Точно! – ахнул Стас. – Как же я сам-то не догадался? Вот Ленка! Как всегда самую суть вещей ловит!

Он достал из ведра толстый кружок красноватого цвета, размером с пятирублевую монету, и принялся вертеть его то так, то этак.

– А это еще что?..

– Так – ерунда! – пренебрежительно махнул рукой Ваня. – Я эту штуку в огороде бабы Поли нашел. Думал, монета, видишь, и лицо есть, и буквы какие-то... но в районном антикварном сказали, что это подделка, потому что из свинца! Хотя, – недоуменно пожал он плечами, – какая же это подделка, когда я вот этими руками ее из земли, точнее, из-под камня достал?

– И я могу ее взять себе?

– Конечно! – сам зажал в кулак друга находку Ваня. – На что мне она? И потом, я же ведь обещал тебе подарок! Хотя думал, ты выберешь что-то получше...

– Вот спасибо! – обрадовался Стас и умоляюще взглянул на друга: – Вань, а может, я останусь на два-три дня, и мы еще раз пройдемся с миноискателем? Наверняка, еще что-то найдем!

– Да ты что! – нахмурился Ваня. – Никак нельзя. Я и так уже все огороды вскопал-перекопал! Люди смеяться будут, да и не поймут теперь ничего... К тому же, страшина давно уже на меня косится... Нет, никак невозможно!

За окном раздался короткий гудок неслышно подъехавшей машины.

Ваня охнул и набросился на сестру:

– Ленка, а ты что еще здесь? Служба вот-вот начнется! А ну-ка, давай скорей в храм!

– А ты?

– А меня подвезут!

Лена посмотрела в окно и вызывающе подперла бока кулачками:

– А для причащения младенцев отец Михаил разрешает в самом конце службы приходить!

– А на клиросе кто подпевать будет?

Машина еще раз напомнила о себе, уже более нетерпеливым гудком.

Лена твердо взглянула на вконец растерявшегося брата и – как отрезала:

– Вот вместе и пойдем! Там канава, сможешь мне через нее коляску перенести!

Машина прогудела в третий раз, длинно и требовательно. Ваня заметался по комнате и, махнув рукой, выбежал из дома.

– Ну, – обратился к Лене Стас, как только они, наконец, остались вдвоем, – что там случилось с Ванькой, из-за чего мне надо было бросать все и мчаться, сломя голову, в Покровку? И с какой стати я не должен продавать дом? Ты хоть знаешь, сколько мне он за него предложил?

– Сколько? А впрочем, можешь не говорить, я и так догадываюсь: двести тысяч! Что, верно?

– Почти... – слегка обескураженно пробормотал Стас. – Сто пятьдесят!

– Ну, тогда я просто была лучшего мнения о своем брате!.. – с горечью усмехнулась Лена. – А вообще, Стасик, с Ваней, правда, беда. Сначала все как-то незаметно и, вроде, даже как правильно было. Ну, ходит, учит всех, как правильно жить. Но ведь при храме человек

трудится, знает больше, чем мы, о душах наших заботится. Но потом смотрим – то, что он говорит, как-то все время расходится с делом. То колбасу за углом в Великий пост ест, хотя пять минут назад других за глоток молока чуть ли не иудами называл. То запрещает входить к нему во время молитвы, а сам в это время спит... А потом еще наш привредник...

– Кто? – не понимая, уточнил Стас.

– Привредник! – повторила Лена и, косясь на окно, быстро-быстро принялась объяснять: – Наш прежний сторож – привратник, точнее придверник, так как у нашего храма не ворота, а двери, а еще точнее, самый настоящий привредник – пустил слух, что во время чтения за Ваней появляется белый свет, вроде нимба...

– Ну и что тут такого? – заступился за друга Стас. – Он же его похвалил!

– Иная похвала – хуже проклятия! Привредник знал, что делает: читал в духовных книгах, как губит человека гордыня. Он хотел, чтобы Ванька, вконец возгордившись, совсем испортился, да только сам за какие-то темные делишки с треском был выгнан с работы. Но свое дело успел сделать. Ванька, когда до него этот слух дошел, так вознесся, что, чуть ли не святым себя возомнил! С тех пор, читая на часах перед Литургией «не даст в век молвы праведнику», он стал это так слово выделять и на людей свысока поглядывать, чтобы все поняли, что это о нем! Не понимаю, как только отец Михаил его терпит, наверное, просто заменить некем. Есть новый сторож, настоящий привратник (у нас к его приходу забор с воротами сделали) – Виктор. Но он контуженный. В Чечне или еще даже в Афгане на mine, говорят, подорвался. Его наш участковый где-то под забором подобрал и при храме пристроил...

– Да что мне твой сторож? – прерывая Лену, заторопил Стас. – Ты про Ваню, про Ваню скорее давай, пока он не вернулся! Я ровным счетом ничего не понимаю! Ведь он же при храме, в самом алтаре работает!

– В том-то и все дело! – не понимая, как тот не может понимать столь очевидных вещей, посмотрела на него Лена. – Чем ближе человек к Богу, тем сильнее цепляется за его душу враг. Мы ведь все живые люди, вот за самое живое, то есть за самое близкое тебе, и цепляет. Чтобы потом, как рыбу на крючке, утащить за собой в ад... Сначала у Ваньки это только временами проявлялось. Дальше – больше! И, в конце концов, за такую гордыню Господь, наверное, и попустил ему это страшное искушение.

– Какое еще искушение?

– Жадность, Стасик, непомерную жадность!

– Ее я, положим, и сам заметил! Ну и что? Это, как ты говоришь, искушение, теперь, считай, у каждого третьего! – снова заступился за друга Стас.

– Нет, Стасик! – медленно покачала головой Лена. – У Ваньки оно гораздо страшнее! Это у него – как... – она на мгновение задумалась, подбирая точное слово, – недоброкачественная болезнь! Вот! Все его разговоры, все мысли, все интересы стали исключительно о деньгах. Сначала он вытребовал у отца Михаила, чтобы тот платил ему за работу алтарником. Потом стал по всей округе собирать ягоды и грибы на продажу, даже из нашего огорода все овощифрукты на рынок, пока мы спали, унес, и хоть бы копейкой поделился... А после того, как миноискателем клад нашел – и вовсе «крышу снесло». Прости, из ума вышел!

– Клад? – недоуменно заморгал Стас. – Какой еще клад?!

– Обычный, из монет, который он нашел у нас в огороде! В разбитом, то есть раздавленном кувшине – 257 монет!

– 257 монет?! – Стас уже ничего не мог понять. – Путаешь ты что-то, наверное! Или темнишь тоже... Не может быть, чтобы Ванька нашел клад и ничего из него мне не оставил!

– Ну почему? – возразила Лена. – Первым делом он, и правда, хотел подарить тебе самое лучшее: сначала золотую монету с портретом Петра Первого, я его сразу по усам узнала...

– Золотую – Петра Первого?!

– ... потом – серебряную с Екатериной Второй, – кивнув, продолжила Лена, – затем – медную, большие такие десять копеек с соболями... Но не зря говорят, что благими желаниями дорога вымощена в ад... Как только антиквар в райцентре пообещал ему большие деньги, очень большие деньги, Стасик, – он сразу туда все и отвез!

– Не может быть... – повторил вконец уничтоженный Стас.

– Не веришь? А это тогда что? – Лена показала висящий на шее, рядом с дешевым крестиком, золотой образок. – Я его сама нашла, когда Ваня мне миноискатель на минуточку дал. Он хотел отобрать, но только благодаря тому, что это образок и отец Михаил его освятил, и мне благословил на ношение, оставил в покое! Вот видишь, на нем дырочка, только почему-то чуть сбоку, с одной стороны Иисус Христос, а на другой два святых с крестом. Теперь ты мне веришь?

– Да... – со вздохом кивнул Стас и чуть слышно, со смертельно раненным такой новостью интересом спросил: – А что хоть там еще было?.. В этом-то кладе...

– Ой, Стасик, спроси лучше, чего не было! Не клад был, а целый склад: и золотые монеты, и серебряные, и еще какие-то, что дороже золота, а уж медных со всадником на коне – просто не счесть! Потом он действительно у соседей все огороды перекопал, пугая всех, что могут оставаться мины со времен войны. А теперь, когда эта туча над Покровкой нависла, и вовсе...

За окном раздался звук отъезжающей машины, и Лена ахнула:

– Вот сорока! самого главного опять не успела сказать! Стасик, нашей Покровке грозит страшная беда... наша Покровка... – заторопилась она.

И не успела договорить. В дверях уже появился Ваня.

– О чем это вы тут шепчетесь? – с подозрением оглядел он Стаса с сестрой, и уточнил: – Что наша Покровка?

– Да вот, – тут же нашлась Лена, – я спрашиваю, как Стасику наша Покровка? Он ведь давно уж ее не видел!

– Потом спросишь! – оборвал ее Ваня. – Времени больше нет. Пошли! – приказал он сестре и повернулся к Стасу: – А ты обещаешь сидеть здесь и никуда не выходить до моего возвращения. Даешь слово?

– Даю!.. – глухо пообещал Стас, стараясь не смотреть в сторону друга.

– Гляди, я тебе верю! – со значением предупредил Ваня.

– А что же он будет есть? – испугалась за Стаса Лена.

– Да разве мне теперь до еды, когда надо изучить хотя бы все это? – грустно усмехнулся Стас и показал на разложенные на столе старинные вещи. – Вернетесь – пообедаем. А пока мне, пожалуй, и ваших бы яблок хватило...

– Молодец! Это ты хорошо придумал!

Ваня вытряхнул из сумки на кровать все яблоки и, заговорщицки подмигнув Стасу, крикнул:

– Остаешься пока за хозяина! Часа через два буду!

Дверь хлопнула. Стас, удрученно качая головой, взял в руки красноватый кружок. Покрутил его в пальцах... Поднес ближе к глазам...

– Да, дела!.. – пробормотал он. – Ну, а тут что? Точно лицо... причем, не в профиль, как на монетах, а в фас. И буквы не наши, а иностранные... А это что – грязь или патина? Ну-ка, ну-ка, попытаемся как следует прочитать все это...

Он открыл сумку, достал перочинный ножик, зубную щетку и принялся осторожно расчищать непонятный предмет, который подарил ему Ваня...

Стас выдержал таинственную паузу и ответил...

– ...так-так... вот еще одна буквочка появилась! И-и – еще одна! Эх, жаль, последняя не видна... Ну да ладно! И без нее почти целое слово. Теперь посмотрим, что у нас в итоге получилось: Василе...

– С кем это ты тут разговариваешь?

Стас, вздрогнув от неожиданности, оглянулся и увидел дышавшего ему в затылок Ваню.

– Фу, ты! Напугал! – недовольно проворчал он и поразился: – Неужели уже два часа прошло?

– А три не хотел? – передразнил Ваня. – Думал, раньше обернусь, да, наоборот, на час пришлось задержаться!

– Опять помогал кого-то венчать? – не отрывая глаз от надписи на монете, безо всякого интереса спросил Стас.

– Нет, крестить! В пост не венчают! – пояснил Ваня и принялся обшаривать комнату взглядом:

– Ленки еще нет?

– Нет еще! – покачал головой Стас и, услышав стук входной двери, а следом быстрые шажки, поправился: – А впрочем, уже есть!

– Ну, сейчас она у меня получит... – Ваня решительно шагнул к двери и на полпути в растерянности остановился.

Лена вошла в комнату с сумками, и комната сразу наполнилась вкусными запахами.

– Стасик, иди мой руки и садись обедать – строго сказала она и подчеркнула: – На кухне!

– Зачем на кухне? Он и здесь прекрасно может поесть! – с грохотом сметая в сторону старинные вещи, возразил Ваня. – Ты там разогревай, а мы пока тут поговорим! О... истории как науке! – подмигнул он Стасу.

– Почему это «как»? – обиделся за любимый предмет Стас. – История и есть наука, причем ничуть не менее важная, чем математика, физика или химия... Если даже еще не важнее!

– Да это я так, для виду... – шепнул Ваня и едва начал: – Ну, так что ты надумал?... – как в дверном проеме показалось озабоченное личико Лены:

– Стасик, а где у вас спички?

– Сейчас поищу! – с готовностью приподнялся Стас, но Ваня силком усадил его на стул и протянул сестре зажигалку:

– Не надо! Вот тебе вместо спичек...

– Ты что, еще и курить начал? – неприятно удивился Стас.

– Нет, это чтобы лампадки зажигать! – успокоил его Ваня и солидно добавил: – Вообще-то это обязанность нашего сторожа, но он вечно забывает про спички. Чего с него взять – контуженный! Представляешь, на собственной mine, говорят, подорвался! Тоже, сапер называется! – презрительно усмехнулся он, знаком показал Стасу, что хочет шепнуть ему что-то важное, но в дверях снова возникла Лена:

– Вань, тебе тоже накладывать?

– Нет! – рявкнул Ваня. – Я дома потом поем!

– Как скажешь! – смиренно кивнула Лена, но не успел Ваня продолжить, как появилась опять: – Стасик, а тебе укроп прямо в борщ покрошить или отдельно есть будешь?

– И отдельно тоже! – улыбнулся ей Стас.

– Нет, здесь она нам точно не даст договорить... Может, в сени пройдем? – предложил Ваня. И тут же услышал:

– Никаких сеней! У меня все готово!

Лена вошла в комнату и поставила на освобожденном месте стола тарелку с борщом, хлеб, укроп, вареную картошку с малосольными огурцами и банку с компотом.

– Все постное, – виновато предупредила она. – Пост сейчас строгий, Успенский. Но Стасику, как путешествующему...

Она еще раз сбегала на кухню и вернулась с большим куском жареной рыбы.

– ...рыбку!

– Да вы что... ребята, что я – особенный? – попытался отказаться Стас, но Ваня настойчиво придвинул рыбу к нему поближе.

– Ешь, ешь... тебе можно! – подтвердил он и, несмотря на недавний отказ, с вожделием косясь на рыбу, стал жевать хлеб с огурцом...

Лена предпочла укроп из одного блюдечка со Стасом. Причем, делала она это именно тогда, когда брал его Стас.

Какое-то время все ели молча.

Наконец, Стас после борща попробовал рыбу и похвалил:

– Вкусно! Из вашего озера?

– Да ты что! – с деланным ужасом воскликнула Лена. – Разве бы я стала тебя травить?! В нем, если и водится что, то только пираньи!

Ваня, услышав это, поперхнулся и сильно закашлял.

– Постучать по спине, Ванечка? – участливо предложила Лена.

– Не надо! – прохрипел тот в ответ. – А то убьешь еще ненароком...

– Понадобится, и убью! – тем же ласковым тоном сказала Лена. – Как люблю, так и убью. Сам знаешь, за что... И даже Господь не осудит меня за это!

– Хватит вам спорить! – остановил друзей Стас. – Лучше рыбки поешьте! Разве не знаете, что пост не только для того, чтобы не есть скоромного, а главное, чтобы не есть друг друга?

– Как! Ты и это знаешь? – с изумлением уставился на друга Ваня.

– А ты что думал, я только в школу хожу да на раскопки езжу? Нет, я еще и в храм иногда захожу, – с легкой обидой ответил Стас. – Между прочим, я прихожанин нашего храма!..

– Захожанин! – поправила Лена и тут же пояснила: – Раз иногда заходишь, значит, кто?

– Захожанин! – сдаваясь, поднял обе руки Стас.

Он разделил оставшуюся половину рыбы еще на две половинки и жестом предложил Ване с Леной последовать своему совету.

Те наотрез отказались.

– Ну и зря! – покачал головой Стас. – Рыба, действительно, вкусная! Хоть, судя по тому, что это морской окунь, и магазинная.

– Автолавочная! – уточнила Лена и вздохнула: – Магазины-то, Стасик, у нас больше нет!

– Как это нет?

– А вот так! Убрали за ненадобностью! И медпункт тоже в другое место перенесли, и школы нет больше... Бесперспективной стала наша Покровка!

– Да ну... такое большое село! – не поверил Стас. – Почему?

– А это ты Ваню спроси, а то хочешь, сама расскажу!

– Конечно, расскажи! – попросил Стас, но Ваня, мигом перестав кашлять, замахал на сестру руками:

– Успеешь еще! Ты лучше скажи, как тебе мой подарок? – явно переводя разговор в другое русло, обратился он к другу. – Определил хоть, что это такое?

Стас неопределенно пожал плечами, взглянул на монету, еще раз пробежал глазами по надписи и... мигом забыл о том, что хотел узнать от Лены.

– Василе... Василе?... Эврика! Базилевс!!! – воскликнул он и обвел Ваню с Леной восторженным взглядом. Все мысли о кладе, все обиды на Ваню были мгновенно забыты им. – Ребята, вы можете не поверить, но в вашей Покровке произошло нечто из ряда вон выходящее!..

- Что?! – в один голос – Ваня с ужасом, а Лена с надеждой – ахнули брат и сестра.
Стас выдержал таинственную паузу и ответил:
- Я, кажется, сделал сейчас открытие века!
- Какое еще открытие? – снова в один голос отозвались его друзья, только теперь Ваня с облегчением, а Лена – разочарованно.
- Научное! Вот смотрите!
- Стас показал кружок:
- Видите слово внизу? Так вот оно читается, не как Василий, а как базилевс, то есть, значит – царь!
- Ну и что? – недоуменно взглянула на Стаса Лена.
- И какая же это монета, если она из свинца? – добавил, с явным сомнением, Ваня.
- В том-то и вся суть открытия! – многозначительно поднял палец Стас. – Вы про медный бунт когда-нибудь слышали?
- Ваня, припоминая, наморщил лоб:
- Был такой. Это мы, кажется, даже в школе проходили!
- Правильно, при царе Алексее Михайловиче, – уточнил Стас. – Во время его царствования стали выпускать вместо серебряных – медные монетки, из-за чего в народе поднялось страшное возмущение. При Николае Первом тоже на правах серебряных выпускали медные монеты, на которых прямо так и писали: «Две копейки серебром»...
- При нем еще и платиновые монеты были! – заметил Ваня и, спохватившись, что сболтнул лишнее, приложился к банке с компотом.
- Лена красноречиво показала на него глазами: мол, видел?
- Стас в ответ только головой покачал: неужели и платиновые монеты были в кладе?
- «Целых три!» – показала на пальцах Лена.
- Ваня, оглянувшись, заметил это, но Лена тут же нашлась:
- Я говорю, и «Три копейки серебром» – тоже писали!
- А-а... – тут же успокоился Ваня.
- Так вот, – продолжал между тем Стас. – Наша история знает про замены серебряных денег медными, но в ней нет ни слова, что такое было и со свинцом! Может, и бунты даже из-за этого были! Только об этом пока никому неизвестно!
- Ой, Стасик, – прижала ладошки к щекам Лена, – тебе, наверное, теперь кандидата наук дадут! А то и профессора!..
- Ага, кислых щей! – усмехнулся Ваня и, перехватив рассерженный взгляд друга, пояснил: – Ты, наверное, из-за своей истории химию плохо учил! Это ведь что? – презрительно щелкнул он по кружку. – Свинец!
- Ну и что? – защищая, накрыл его Стас ладонью.
- А то, – обращаясь поочередно то к нему, то к сестре, заявил Ваня, – что наша история точно знает все, что у нас было в последние лет сто-двести. И каждый бунт, и каждую монету! А дольше свинец в земле не лежит! Я, вон, кастет из него, с которым на дискотеку в Круги ходил, обронил осенью в мазутную лужу, весной нашел – одна труха!
- Но если условия хранения были идеальными, – сам говоришь, не в мазуте, а под камнем ее нашел, – почему б ей не сохраниться? – возразил Стас и возмущился. – Да что мы зря спорить будем? Сейчас же передам Владимиру Всеволодовичу факс с прорисью этой монеты с вашей почты! – он зажал непонятную монету в кулаке и решительно шагнул к двери.
- Стой! Куда?! – роняя за собой стул, закричал Ваня.
- Он готов уже был закрыть собой выход. Но Стаса неожиданно остановила... Лена.
- А у нас, Стасик, и почты тоже нет! – тоже, почему-то со вздохом, предупредила она.
- Ничего, у меня телефон есть! – махнув рукой, мол, что теперь взять с вашей Покровки, заявил Стас и подрагивавшим от волнения пальцем набрал нужный номер.

К счастью, бесконечно далекий от техники Владимир Всеволодович оказался рядом с телефоном (отдыхал от работы, иначе бы просто отключил его) и вообще нашел с первого раза нужную кнопку.

Стас быстро выпалил суть своего открытия и, по просьбе академика, стал описывать каждый из найденных Ваней предметов.

– Это он так информацию собирает, чтобы дать точный ответ! – шепнул он друзьям и, после описания очередного предмета, говорил:

– Так... так... понял... как вы сказали – писало?

Предметы, наконец, закончились. Стас в счастливом ожидании плотнее прижал телефон к уху, и вдруг улыбка сползла с его лица:

– Как не монета? – жалобно пролепетал он.

– Ха! А я что тебе говорил? – торжествуя, затеребил его за руку Ваня.

Но Стас отмахнулся и замолчал, продолжая еще более внимательно слушать академика.

– Ой, как жалко! И Стасика, и вообще... – прошептала Лена. – Вот тебе и открытие века...

– Не открытие, а – закрытие! – довольный тем, что именно он оказался прав, радостно объявил Ваня.

Минут пять, не меньше, выслушивал Стас академика. Наконец отключил телефон и, загадочно улыбаясь, сказал:

– Значит, так! Почти все это – древнерусские вещи домонгольского периода. Это – бляшка от конской сбруи, это накладка от рукоятки плети знатного половца, может быть, даже хана. Это – обломок нашей, русской, стрелы. Это – часть засапожного ножа. Это – рыболовное грузило. Это, – тут Ваня действительно прав, не гвоздь, а писало, то есть то, чем наши предки писали на навощенных табличках и бересте. Это – ключ от двери. А это... – он, торжествуя, поднял над собой красноватый кружок – свинцовая печать самого великого князя Владимира Мономаха!

– Свинчатъ? Мономаха?! – ахнула Лена. – Того самого, что – «тяжела ты, шапка Мономаха»?!!

– Легковата что-то шапка получается! – язвительно посмотрел на нее Ваня и с усмешкой напомнил Стасу: – Ты же ведь сам только что говорил, что тут написано «базилевс»!

– Да, говорил, – невозмутимо кивнул тот. – Но – ошибся. Даже великим ученым свойственно ошибаться! Я думал, что это титул, а оказалось – и правда, имя. Не базилевс, а Василий. И вся эта надпись по-древнегречески читается: «Кирие тосодуло Василие!», то есть по-русски: «Господи, помоги Василию!»

– Ну, а при чем тогда Мономах? Ведь он же – Владимир! – не отступал Ваня.

– Правильно, – опять согласился Стас, – Владимир Всеволодович и это мне объяснил. В те времена у каждого человека было два имени – одно языческое, а второе – данное ему при крещении. Владимир Мономах во святом крещении был назван Василием, в честь святого Василия Великого, чей лик мы и видим на этой печати. Возможно, она скрепляла какой-нибудь важный государственный документ, может, висела на дарственной, хотя бы на вашу Покровку, но, скорее всего, была на грамоте Мономаха, которую куда-нибудь вез его гонец!

– Ну, дела... – покачал головой Ваня, обходя Стаса так же ошеломленно, как тот недавно вокруг Лены с коляской. – И... сколько ж... она... может... стоять?

– Как тебе не стыдно! Она же бесценна! – возмутилась Лена.

– Почему? Всему на свете есть цена! Я сам каталоги видел! – убежденно заявил Ваня.

– Не спорьте! – остановил их Стас. – Ленка права: этой реликвии действительно нет цены. А твоя, Ванька, правда в том, что у коллекционеров действительно все покупается и продается! Что же касается этой печати... – на миг задумался он, – Владимир Всеволодович говорит, что, судя по описанию, это – неизвестный науке экземпляр, то есть единственный в мире. И если

редкие монеты стоят недешево, то, думаю, такая печать, да еще в такой сохранности, стоит не меньше тысячи долларов!

– Тысячи? Долларов?! – на Ваню больно стало смотреть. Глаза его выпучились, губы скривились. Казалось, он вот-вот заплачет.

– Так что же, выходит, она одна стоит больше всего того, что я получил?.. Что мне дали?.. – прошептал он и в поисках сочувствия посмотрел на сестру.

Но та и не подумала утешать его.

– Так тебе и надо! – без тени жалости сказала она и, подойдя к Стасу, спросила:

– А можно мне тоже хоть немножечко подержать ее?

– Конечно! – охотно согласился Стас. – Только, смотри, осторожно.

Лена бережно, как только могла, взяла нагретую в его руках печать, склонилась над ней и прошептала:

– Надо ж... Века на ладошке...

– И целая тысяча долларов!.. – никак не мог успокоиться Ваня.

За окном раздался яростный собачий лай.

Ваня тут же пришел в себя и побледнел:

– Что это – Шарик? Ленка, дома беда...

– С чего это ты взял? – попытался успокоить его Стас, но Ваня только отмахнулся:

– Да ты что! Шарик, знаешь, какой умный пес? Он бы ни за что зря с цепи не сорвался и тем более не прибежал бы сюда! Наверняка, отец снова буянит... Ленка, бежим!

– Ой, скорее, скорее, Ванечка! – засуетилась его сестра.

– А я? – напомнил о себе Стас. – Можно хоть в автолавку сходить, карточку на телефон купить?

Он ожидал, что Ваня снова попросит его подождать, скажет, что сам принесет эту карточку, но тот в ответ только рукой махнул – мол, делай, что хочешь! – и выбежал из дома. Лена – следом за ним.

Оставшись один, Стас отнес на кухню посуду, дал смс-сообщение родителям (на звонок уже не осталось денег), что доехал хорошо, что отдыхает и что вообще все в порядке. Зачем их зря беспокоить?..

И, не выпуская из руки печати Мономаха, лег на кровать...

«Странно, – подумал он, – еще вчера за окном была Москва, а теперь вот – Покровка. Интересно, а что же в ней все-таки произошло? Почему больше тут нет магазина, медпункта, школы?.. Даже почты, и той нет! Что бы все это могло значить?..»

Стас принялся искать подходящий ответ. Но мысли о печати Мономаха вскоре отвлекли его, и он стал смотреть в окно и думать, что когда-то здесь были совсем другие времена...

Глава вторая

Иду на вы!

Давно это было. Так давно, что самые старые дороги уже не были новыми. Год за годом терзали русскую землю княжеские междоусобицы и заклятый ее враг – половец. А в тот год еще и знамения были небесные: сначала на луне, а потом на солнце появились дуги, обращенные хребтами внутрь. Великие знамения. Страшные.

Что они значили? Что сулили? Вот и гадали повсеместно люди, к добру бы то это было, или к чему худому. Но тех, кто считал, что к добру, и этот год станет благоприятным для Руси, было больше.

Оно и понятно. Слишком много зла перенесла Русская земля за последние годы, чтобы ждать еще нового, ибо не было больше уже у людей сил, дабы перетерпеть и его...

Славко¹ решительно встал и направился к соседней проруби

Третий день посылал дед Завид Славку проверять верши на реке, и третий день тот возвращался с пустыми руками. На четвертый – дед не выдержал и сказал:

– Без рыбы не возвращайся!

А как с ней возвратишься, если ее нет?

На дно ли она залегла, чувствуя смену погоды, или устала, как и люди, от зимы, а может, просто задохнулась у себя подо льдом – нет ни одной, и все тут!

Хорошо, если дед Завид пошутил, когда сказал это. У него никогда не понять, шутит он или говорит серьезно.

А ну как нет? Что тогда? Как это – не возвращаться?

Конечно, не Киев или Новгород его крошечная Осиновка, но и не черный лес или синее поле, а родное селение – весь... А в веси – свой дом. Хоть пустой, вымерзший, и даже не дом, а землянка, больше похожая на могилу – да все жильё.

Станет совсем холодно да одиноко, к Милуше, которая заменила ему мать, можно зайти. У нее муж кузнец, от него так и пышет жаром. Все теплее! А то – всем народом у деда Завида, вокруг лучины собраться. И вовсе тепло! А уж интересно!.. Особенно, когда дядя Онфим, тоже и кузнец, и купец, и вообще на все руки молодец, приезжает. Он Славке бронзовый крест-энколпион своей собственной, ничуть не хуже византийской, работы подарил. В него, если найдется, можно положить какую-нибудь святыню и носить на груди. И еще засапожный нож привезти обещает. Если Милушин муж сам, как давно уже обещал, не выкует. А уж как дед Завид обо всем, что видывал-перевидывал, вспоминать начнет...

Славко подошёл к очередной проруби. В одном нагольном овчинном полушубке, латаных-перелатаных портах да обмотанных портянками лаптях хорошо думать о тепле. Но тут – тсс-с! Он разыскал спрятанную под снегом веревку и, весь обратившись в слух, немного подержал ее в руке – не оживет ли она? Потом подтянул сплетенную из ивовых ветвей вершу и, заглянув под крышку, в сердцах бросил ее на самое дно. И тут пусто...

...Дед в молодости несколько раз ходил на войну. Сначала простым пешцем, которые, как издревле водится, кто с чем шли в бой. А когда, после одного удачного похода, обзавелся

¹ Славко – древнерусское имя. Для удобства чтения автор склоняет его, согласно правилам современной грамматики (прим, редактора).

конем и мечом, то стал и всадником у самого деда нынешнего князя Владимира Мономаха – Ярослава Мудрого! Однажды Великий князь даже послал его куда-то как своего гонца. Что было в грамоте, и кому он ее вез, дед давно уж не помнил. Но Славко, в сто сотый раз, слушая обраставший с каждым разом всё новыми подробностями рассказ, забывал даже дышать... И казалось ему тогда, что нет ничего на свете более интересного и важного, чем быть княжеским гонцом!

Славко деловито обстучал топориком ледок, выросший вокруг проруби, и опустил руки в темную воду, отогревая их...

«Быть бы мне и в дружине князя, – каждый раз убежденно заключал дед, гася лучину черной, истресканной ладонью, – да оставил я в битве на Нежатиной Ниве руку, а без нее – кому я теперь нужен?..»

Славко решительно встал и направился к соседней проруби, благо она была всего в двух десятках шагов.

Как это кому нужен дед Завид? Хоть и одна у него рука, а десятка пар стоит! Все стога, что вдоль дороги стоят – им накошены. Все отстроенные после очередного набега половцев дома – тоже его рук, точней, руки – дело. Есть, правда, в веси еще один мужчина, Милушин муж. Да его, как кузнеца, княжеский тиун вечно забирает отрабатывать недоимки за всю Осювку. Вот и сейчас он в Переяславле, а дед Завид пытается свести концы с концами до начала весны.

Нет, нужен, нужен дед Завид!

Только вот пошутил он на этот раз или... нет?

«А хоть бы и да!» – вдруг пришла неожиданная мысль, от которой Славка едва не выпустил из рук мокрую, всю в ледяных колтунах, веревку. Как самому-то ему с пустыми руками возвращаться? Ведь, не принеси он сегодня ничего, – есть в веси совсем нечего! Небось, уже чан поставили, воду греют, и хоть на самую жидкую ушицу надеются, его дожидаясь...

До самого вечера бродил Славко по покрытому тяжелым снегом льду. Сам разве что в верши не лез, чтобы найти там хоть одну рыбешку. Но ни в одной из них, кроме приманок из старых конских копыт, не было ничего. Прямо, хоть самому в рыбу превращайся!

Давно отозвела вечерняя заря за дальним лесом. Над ближней дубравой откружило, каркая и бранясь, устраиваясь на ночлег, воронье. Все краски смешались, потемнели и уже почти не отличались друг от друга.

Все верши проверил Славко. Оставалась одна – самая дальняя.

За мостом, у самого берега, где летом глубокая заводь, а зимой – прорубь, в которой проезжий люд поит коней. До нее было почти полверсты ходу. Ох, не хотелось идти туда Славке! Но, для очистки совести, отправился он и к ней...

– Эге-ге-ей! – радостно закричал он.

Когда Славко добрал до последней проруби, окончательно наступила ночь. Промозглая, стывшая, какие бывают только в начале марта: еще по-зимнему морозная, но уже влажная, как ранней весной. Самое пропашее время для того, чтобы задержаться и заночевать где-то в пути.

Над самым лесом появилась маленькая луна. Она не столько осветила округу, сколько сделала ее призрачно-непонятной, и на каждом шагу, точно отмороженный палец, грозила ему с неба.

Где-то вдалеке послышался топот копыт небольшого отряда всадников. Человек десять-пятнадцать, не больше.

Половцы?

Но Славко даже край заячьего треуха поднимать не стал, чтобы прислушаться: откуда сейчас им тут взяться? Время набегов прошло. Половцы давно в своих кочевых домах-вежах. Сидят в теплых шатрах, подсчитывают доходы от продажи русских пленных, примеривают

чужие сапоги и шубы, да ждут новой зимы, чтобы на откормленных за лето быстрых конях новым набегом обжечь Русь.

Скорее всего, несколько дружинников едут выполнять поручение своего князя. Да только почему-то не очень торопятся...

Славко свернул к берегу, нашел колышек, от которого змеилась веревка, и, отдирая ее ото льда, направился к проруби.

Половцы... Жестокий, дикий народ! Совсем только недавно перестали сырое мясо есть. Ничего святого для них нет. Понаставили в Степи каменных баб и молятся им. Всё бы им резать, губить, жечь... Дед Завид говорил, правда, что есть среди них и свои – христиане. Но таких Славко не видел ни разу. Встречал злых и не очень; умных, как княжеский тиун, и глупых, которых проще простого провести вокруг пальца; бешеных и равнодушных. Но таких, чтоб с крестом на груди и которые молились бы истинному Богу...

Правда, он и сам уж забыл, когда последний раз по-настоящему молился Христу. Нет, не вместе со всеми, каждый день, повторяя вслед за дедом Завидом слова знакомых молитв. А – сам, горячо, веря, что Бог слышит и обязательно поможет ему. После того, как Бог не спас его отца, которого прямо на его глазах зарубил хан Белдуз, и так и не вернулась из половецкого плена мать, кажется, ни разу... Его сердце словно закаменело от всего, что пришлось пережить ему за свои четырнадцать зим. Он перестал ждать хоть какой-нибудь помощи от Бога и надеялся теперь только на самого себя. И это была его тайна, о которой в другой раз он побоялся подумать бы даже один, здесь, посреди ночи.

Однако сегодня, вспомнив о ней, Славко вдруг с последней надеждой посмотрел на небо. И перед тем как потянуть на себя вершу, непослушными на морозе губами прошептал такую молитву, за которую любивший порядок во всем церковном дед Завид, наверняка, наградил бы его подзатыльником:

– Господи, не для себя прошу – людям есть нечего... Помоги!

А дальше случилось то, что может произойти разве что в самом счастливом сне.

Он поднимал вершу, но та, чем больше уходило из нее воды, почему-то не легчала, как все, а, наоборот, будто бы даже становилась тяжелей. Уж кто-кто, а Славко понимал, что это могло значить!

Руки его лихорадочно задрожали. Изо всех сил он вытащил вершу на лед, приоткрыл крышку и тут же захлопнул ее, увидев черную, не меньше своей головы, морду какого-то чудовища...

Что это – водяной?!

В уме вихрем пронеслись все те недобрые слухи, которыми, как любой омут, славилась в округе эта заводь.

Но Славко давно уже забыл, что такое страх. Тут же придя в себя, он чуть приоткрыл крышку, внимательней посмотрел под нее и засмеялся: да это же сом!

Но сом спит в это время. Значит, налим? Но разве налимы бывают такими огромными? Да какая разница – сом или налим! Главное – теперь веси целую неделю будет, что есть!

Боясь упустить налима, который мог, оказавшись на воле, прыгнуть к спасительной воде, Славко оттащил вершу как можно дальше от проруби. Здесь он, дивясь ее тяжести, вытряхнул рыбину на лед, и не успела та даже забиться, глуша, стукнул топориком по голове.

С минуту Славко смотрел на налима, длина которого была чуть меньше его самого. А затем ноги его сами пустились в пляс.

– Эге-ге-ей! – радостно закричал он, поднимая с деревьев перепуганных ворон. – Эге-ге-е-ей!!!

Вдоволь наплясавшись, Славко снова опустил вершу в воду и вернулся к добыче.

– Голова – на одну уху, хвост с печёнкой – на другую! Остальное – нажарим, напарим, напечем! – с восторгом прошептал он и озадаченно почесал себе затылок прямо через заячий треху: – Только... как же я тебя такого до дома-то дотащу? А вот как!

Недолго думая, Славко рванул с себя пояс, который хоть немного удерживал тепло, про-сунул его под жабры рыбыны и забросил ее себе через плечо на спину.

Мороз сразу пополз под овчину, принялся леденить тело своими холодными, мокрыми пальцами, за спиной дергался и двигал жабрами не до конца оглушенный налим, но что было Славке до этого, когда теперь вся душа его радовалась, пела, плясала!

С трудом различая в посеребренной тьме куда идти, он вскарабкался на невысокий берег и вдруг замер, увидев прямо перед собой выросшую, словно из-под земли, долговязую фигуру половца.

Одного не учел осторожный хан...

– Жить хочешь? – страшным шипящим шепотом спросила эта фигура.

– Да... – тоже шепотом, машинально ответил Славко.

– Тогда – тс-сс!

Луна слегка осветила плоское лицо степняка, прижимавшего палец к губам.

Славко, пряча лицо, втянул голову в плечи, невольно приподнимая над собой налима... И тут произошло неожиданное. Увидев вместо человеческого лица страшную рыбью морду с длинным усом на подбородке, закрывавшую и открывавшую рот, половец с воплем: «Оборотень! Человек-рыба!», заметался по берегу и полетел вниз, прямо в прорубь.

– Спасите! Помогите!.. – послышались оттуда его захлебывающиеся крики.

Славко хотел уже бежать, чтобы предупредить своих о появлении половцев, как вдруг услышал голос, от которого у него внутри все оборвалось:

– Я сказал, чтобы до моего приказа все было тихо, а вы ч-что наделали?

Это был голос, который он узнал бы из сотни, тысячи голосов...

Славко поднял на него глаза и впервые за долгие годы ощутил чувство липкого страха: прямо перед ним было... две луны!

Одна по-прежнему неподвижно стояла над лесом, а к другой, которая двигалась, как живая, подъехали два всадника:

– Хан, утонет Тупляр! – стали просить они за тонувшего степняка.

– Дозволь помочь ему?

– Такого не ж-жалко! Жить захочет – сам выплывет! – послышалось в ответ резкое, и только теперь Славко догадался, что вторая луна – это серебряный наличник с темными прорезями для глаз и рта на лице восседавшего на коне хана.

Половец, чтобы лучше видеть, снял его, и одной луной стало меньше. Затем он стянул с руки боевую перчатку и выхватил из-за голенища плеть...

Но Славко даже не обратил на это внимания. Он чуть было не вскрикнул, узнав и это круглое лицо, обрамленное небольшой бородкой с усами. Эти большие, с надменно-насмешливым взглядом, глаза... Кулак, в котором он держал веревку, сразу напрягся до боли, свободная рука сама потянулась за топориком, в готовности выхватить его и броситься на хана.

Но тот опередил его.

Он резко взмахнул плеткой и, ловко обвив ее длинным жалом шеи Славки, слегка потянул его к себе.

– Сейчас мы посмотрим, какой это человек-рыба!

Одного не учел осторожный хан – того, что Славко сам был готов к броску. И что тот не подойдет чуть поближе, а полетит вперед, утыкаясь в самую рукоять плети.

Славко же, увидев прямо перед глазами ханскую руку, недолго думая, вцепился в нее зубами.

– А-а-а! – закричал хан, выпуская из пальцев плетку. – Пусти, змееныш-ш!

Но Славко все сильней сдавливал челюсти.

– У-у-у-у! – уже по звериному взвыл хан.

Теперь не только в соседней дубраве, но и где-то вдали, за рекой, поднялось перепуганное воронье...

К двум всадникам, на вопли, подскакали новые и тоже остановились в растерянности, не зная, чем помочь своему хану.

Но их оцепенение не могло продолжаться вечно... И тогда Славко разжал с трудом послушавшиеся его зубы и опрометью бросился прочь.

– У-уузлюк! У-уубей его! – маша окровавленной рукой, закричал хан ближайшему к нему половцу.

Тот мгновенно стянул с плеча лук, выхватил из колчана стрелу, наложил ее на тетиву и, поведив острием наконечника вдогонку петлявшему Славке, выстрелил.

Звонко пропела, осекаясь на полуслове, самую страшную песню на свете, стрела.

– Ес-сть! – раздался мстительный возглас хана, и в тот же миг Славко почувствовал сильный толчок и легкий укол в спине.

Словно налетев на невидимый в темноте корень, он споткнулся, взметнул руками, роняя рыбу, и упал лицом прямо в глубокий мартовский снег...

Хан направил своего коня прямо на стрелка...

После этого наступила столь желанная половцам тишина, нарушаемая лишь запоздалыми вскриками пытавшихся занять места получше ворон да приглушенными разговорами всадников, обсуждавших случившееся.

Самый старый половец, качая головой и сокрушенно причмокивая, перевязывал руку хану, который пребывал в редком для него состоянии гнева и растерянности одновременно. Мороз, тьма сыграли с ним свою злую шутку. И потом, откуда он мог знать, что мальчишка сам бросится на него?

Хан не знал теперь, кого винить больше в том, что они не смогли сохранить тайну своего появления в этих местах: глупого половца, который, выбравшись, благодаря верше, из проруби, мокрый до нитки, вскарабкался теперь на берег?., этого проклятого, с кинжалами вместо зубов, русского мальчишку?., или самого себя? И от этого его гнев становился еще сильнее:

– Все выжгу! Всех уничтожу! – морщась, обещал он.

– Правильно, хан! Для того мы и здесь... – поддакивал ему старый половец.

– Я устрою им такой набег, какого они ещё не знали!

Хан оттолкнул помогавшего ему половца и, охнув от боли, тронул уздечку своего коня:

– Но сначала я хочу посмотреть, что мы там подстрелили!

Половцы, не спеша, следом за ханом, подъехали к тому месту, где упал Славко.

Мальчика там уже не было.

– Ну? – тяжело сдвинув брови, оглянулся хан.

– Вот, рыба! – стрелявший, быстро спешившись, угодливо пнул ногой налима, из спины которого торчала стрела.

– Сам вижу, не слепой! А где человек?

– Не знаю! – растерянно развёл руками стрелок. – Может, это и правда был человек-рыба?

– Я же ведь говорил! – жалобно подал голос, отряхиваясь от воды, половец с глупым лицом.

– На Руси такое часто бывает! Лешие, водяные, русалки... – подтвердил старый половец и пространно стал объяснять: – Я, правда, сам не видел, но, как перекаати-поле, прокатившись по пустыне жизни, точно знаю, что...

– А я знаю, Куман, – оборвал его хан, показывая сначала на налима, а затем на следы, уходящие в лес, – что рыба – тут. А человек – там! И он – убежал! Теперь он предупредит своих. И опять будет шум!

Хан направил своего коня прямо на стрелка.

– Ты почему упустил его, Узлюк?

– Хан, если б я знал, что у него на спине рыба, я бы прострелил их обоих! – в испуге попятился тот. – Я это умею...

– Смотри мне!

Хан хмуро оглядел остальных воинов, шуря без того слегка узковатые, как у всех половцев, глаза, и тоже на всякий случай предупредил их:

– И вы тоже смотрите! Ладно! Не удалось тихо, сделаем громко! Вперед, за мной вон к тем стогам! И этого человека-рыбу, или как там его – с собой прихватите! Заодно и поужинаем!

Хан снова надел маску, на которой темнела застывшая, неподвижная улыбка, пришпорил коня и направил его к светлевшей за берегом полоске дороги, вдоль которой высились стога.

Всадники двинулись за ним.

– Ну, что встал, Тупляр! Или не слышал, что приказал хан? – придя в себя, накинулся на глуповатого половеца Узлюк. – Скорей забирай своего старого знакомого!

Но тот испуганно затряс головой:

– Нет, лучше уж сразу пристрели!

– И пристрелю, если хан прикажет! – пообещал Узлюк.

– Все равно не повезу!

Видя, что никакие угрозы и уговоры не подействуют, половец выдернул свою стрелу из налима, перебросил его через седло и помчался догонять хана, на ходу рассуждая вслух:

– Птицу – стрелял, зверя стрелял, человека – стрелял... Первый раз рыбу стрелой убиваю!

– А вдруг это, и правда, оборотень? – не унимался скакавший рядом с ним Тупляр.

– Какой-такой оборотень? – засмеялся стрелок. – Ну сам посуди глупой своей головой: если рыба тут, а следы были там, то где же тогда человек?

Славко набрал побольше воздуха в грудь и выпалил...

А человек, по имени Славко, тем временем бежал, не разбирая дороги, в родную весь.

Да и не было тут никакой дороги!

Если по прямой, то от места роковой встречи до Осиновки было не больше версты. Но за последние сорок лет весь, уходя от половеца всё дальше и дальше, ограждаясь подлесками и нетопкими болотами, спряталась так, что до неё непросто было добраться даже своим.

Дед Завид говаривал, что когда-то Осиновка была самой богатой всею в округе. Еще бы! Стоя на пригорке, у большой проезжей дороги, она кормила останавливавшихся на постой купцов, а те мало, что платили за это, так еще и вполцены отдавали свои дорогие товары...

Теперь, после нескольких десятков набегов половцев, глядя на то, что осталось от горелой-перегорелой Осиновки, даже трудно было поверить в это.

Устали люди каждый раз отстраиваться вновь и вновь.

Толку-то строить хоромы, если их все равно сожгут?

Толку держать скотину, когда её все равно угонят?

Правда, если вдруг выпадало два-три спокойных года, – уж таков характер русского человека, – все прежнее разом забывалось, и люди всем миром снова брались за пилы и

топоры. Радуя глаз, поднимались маковки церкви, словно на глазах вырастали срубы, строились амбары, вырывались ямы для хранения зерна... Но со свистом и гиканьем появлялся вдруг однажды новый отряд половцев, и всё начиналось сначала...

Славко бежал и плакал от отчаяния и обиды. Размазывал ладонью перепачканное лицо, мешая свои слезы с чужой кровью. И не было в этот миг на свете человека несчастней его.

Забыл Бог Славку, забыл его родную весь, да и всю Русь забыл!.. – только и думал с горечью он.

Когда он выбежал из подлеска, его встретил сильный ветер со снегом, сдувающий с поля все следы.

Начиналась непогода, которую, видать и впрямь, задолго до человека чувствует рыба.

Луна то пряталась в лохматых облаках, то выныривала обратно, чуть приосвещая округу. Но Славко и без нее знал, куда ему идти.

Осиновка была уже в нескольких десятках шагов. Ни одного дома – одни землянки, которые протапливали по-чёрному, на ночь, готовящиеся спать люди.

И чем ближе она была, тем медленнее становились его шаги.

Мало того, что он возвращался с пустыми руками, так еще и нес весть о половецком набеге. Да и если бы просто о нем!..

Первым, как всегда, его услышал и бросился навстречу мохнатый пес по кличке Тиун. Его прозвали так за то, что он, подобно настоящему княжескому тиуну, всегда вынюхивал добычу в домах и стягивал все съестное, что плохо лежит или просто попадалось ему на глаза. За ним шел дед Завид.

– Дед! – рванулся к нему Славко.

– Вижу, вижу, что опять ничего не принес... – проворчал дед Завид. – Завтра сам верши пойду проверять!

– При чем тут завтра? Какое там – проверять?

Славко набрал побольше воздуха в грудь и выпалил:

– Половцы!

– Какие еще половцы? – не понял старик. – Где?

– На дороге! Возле моста!

Дед Завид посмотрел на Славку и отмахнулся своей единственной рукой:

– Не пустоши! В этом году уже был их набег. Хан Боняк прошел по всей Переяславльской земле. А два раза они испокон веков по пепелищам не ходят! То, небось, какой-нибудь отряд княжеский был, а тебе и померещилось!

– Да сначала и я так подумал! – стукнул себя кулаком в грудь Славко. – А потом, когда на берег вылазить стал, гляжу...

– погоди! Какие могут быть половцы, когда все тихо и даже зарева не видать?! – перебил его дед Завид и, хитровато прищурившись, погрозил пальцем. – Ты все это, наверное, выдумал, чтобы я тебя и впрямь в лес ночевать не отправил? Так это я так, для острастки... А что рыбы нет, это все непогода. Метель стихнет, она сама в верши ползет!

– Да видел же, видел я их! – едва не плача, не знал, как доказать свою правоту Славко. И тут за подлеском, где стояли стога, вдруг вспыхнуло сразу несколько ярких, высоких костров. Огромные золотые искры от них медленно поползли в небо.

Несколько секунд старик и мальчик, как замороженные, смотрели на них.

– Вот видишь, дед, половцы то, ей-Богу, половцы! – первым приходя в себя, вскричал Славко. – И вовсе это не хан Боняк!

– А кто же? – упавшим голосом спросил дед Завид.

– Белдуз!

– Откуда знаешь?

– Так ведь нос к носу встретились. Вот и его плеть! – протянул плетку Славко.

– Дорогая вещь, видно, и правда, ханская! Откуда она у тебя? – с тревогой спросил дед Завид. – Обронил, что ли, ее хан? Как бы теперь он за ней вернуться не вздумал!..

– Да нет, не обронил! – засмеялся Славко. – Только на меня замахнулся!

– Ох, бедовая твоя голова... – охнул старик. – Гляди, замахнется в другой раз саблей!..

– Не скоро теперь замахнется! – успокаивая его, заметил Славко. – Я ему руку, аж до хруста, прокусил!

– Час от часу не легче! – схватился за голову дед Завид. – За руку хана половцы теперь всей веси отомстить могут! Эх, Славко, Славко! Ну что мне с тобой таким делать прикажешь? Ступай, погляди: совсем они ушли или как? Да поживей возвращайся. Я с тебя этой самой ханской плеткой – три шкуры спускать буду!

– Ага! Это я сейчас! Это я – мигом! – кивнул ему Славко и, ворча себе под нос: «Так я тебе теперь и поторопился!», – бросился из веси к тому месту, где последний раз виделся с половцами...

Глава третья Кто есть кто

– Страшная притча! – зябко передернул плечами Стас.

За окном громко, настойчиво забарабанил дождь: подъем!., подъем!.. Стас нехотя потянулся и открыл глаза.

Это же надо – уснул!

Ложился – солнце всю светило, а теперь вон как льет...

Он сел в кровати, посмотрел на лежавшую у подушки печать, улыбнулся ей и помрачнел.

Ему бы радоваться сейчас, да что радоваться – плясать от такого подарка. Шутка ли – вещь, которую, возможно, – и даже не возможно, а наверняка, – держал в руке сам Мономах! Он и мечтать не мог о таком! Но то ли потемневшее среди бела дня небо, то ли осадок, который остался после слов Лены, с самого пробуждения омрачили ему эту радость.

Он встал и торопливо направился к двери.

Да, он дал Ване слово никуда не выходить из дома. Но... разве ж поспоришь с настойчивыми требованиями природы?

Во дворе он быстро пробежал к темневшему в самом углу деревянному домику, похожему на скворечник, заметив по пути, что и весь их огород тоже перекопан, скорее всего Ваней, и уже собрался возвращаться в дом, как вдруг услышал полувопросительное:

– Вячеслав?..

Стас не привык к своему церковному имени – так его называли только в храме во время исповеди и перед Святым Причащением. Поэтому он решил, что зовут кого-то другого, и продолжил путь. Но голос, на этот раз уже полуутвердительно, повторил:

– Стас!

Тогда он повернул лицо и увидел стоявшего за забором соседа, бывшего вице-губернатора области, коротавшего пенсионные дни в Покровке.

– Григорий Иванович! – обрадовался Стас, бросаясь к забору.

– Узнал? Молодец! – похвалил сосед и оглядел Стаса. – А вот тебя уже можно и не признать! Это в моем возрасте люди уже почти не меняются...

– А вы изменились! Честное слово! Помолодели, вся болезненность, бледность куда-то ушли!

– Ладно-ладно... будет тебе! Я еще в своем кабинете лести наслышался... – проворчал, впрочем не без удовольствия, Григорий Иванович и поинтересовался: – А родители где?

– Отец в клинике, мама дома! – махнул рукой в сторону далекой Москвы Стас.

Григорий Иванович сразу как-то ссутулился, постарел.

– Жаль... – искренне огорчился он. – Значит, ты приехал один? Решил немного перед школой отдохнуть в наших краях?

– Да, и заодно дом наш продать! – подтвердил Стас.

– Дом? – сразу же оживился Григорий Иванович и с недоумением посмотрел на Стаса: – Как же ты собираешься это сделать? Ведь тебе еще нет восемнадцати лет!

– Лет нет, а доверенность есть!

– И... на кого же?

– На Ванькиного отца!

– Та-ак... – Григорий Иванович с интересом поглядел на юношу. – А ну-ка, пошли ко мне!

Он жестом позвал Стаса следовать за собой, но тот с виноватым лицом отказался:

– Н-не могу!

– Почему? – удивился Григорий Иванович. – Я тебя такой кабачковой икрой угощу! Со своей, между прочим, грядки!

– Да не могу я! – в отчаянии оглядываясь на свой дом, пробормотал Стас.

– А что такое?

– Ваньке слово дал не выходить никуда до его возвращения...

– Ах, Иоанну... Этому проходимцу? – Брови Григория Ивановича сурово двинулись к переносице. – Вот оно что... Все ясно. Но не беда! Как говорится, если гора не идет к Магомету, то Магомет идет...

– К горе! – радостно подхватил Стас, в свою очередь радушно приглашая соседа к себе домой. Его совесть была спокойна. Он ведь дал слово Ване только не выходить из дома, а о том, что кто-то придет к нему, не было сказано ни слова!

Следуя за Стасом, Григорий Иванович вошел в комнату родителей, с видом знатока простучал костяшками согнутых пальцев стены, посмотрел на пол, потолок и вздохнул:

– Хороший дом. Жалко. Еще лет пятьдесят смог бы стоять!

– А чего его жалеть? – удивился Стас. – Другие в нем будут жить!

– Другие? – Григорий Иванович потер ладонью грудь, в том месте, где сердце, и тяжело опустился на стул. – В том-то и дело, брат Вячеслав, что все здесь идет к тому, что ни в этом доме, ни в моем, да и вообще в Покровском никто больше не будет жить!

– Как это? – с удивлением посмотрел на него Стас.

– А вот так! – недобро усмехнулся Григорий Иванович. – Нашлись люди, которые скупили в округе все земли, лес, речку, почти все дома, и все для того, чтобы просто взять да затопить все это!

– За-то-пить?! А как же Покровка? Дома, сады, огороды, кладбище... Храм, наконец?!

– Да какое им дело до этого! Все у них куплено, как теперь принято говорить, подмазано, схвачено. Медпункт перенесли за 20 километров. Магазин выкупили у прежних хозяев и не стали открывать вновь. Почту убрали. Лес объявили негодным. Школу, и ту, благодаря Юрию Цезаревичу, который (не за деньги, а из-за своей ненависти к храму) уговорил местные власти признать нецелесообразной, закрыли! Так что теперь Первого сентября в Покровке больше не будет. Словом, провели огромную, просто грандиозную работу, сделали почти все, что только возможно с такими неограниченными деньгами!

– Почти? – с надеждой уточнил Стас.

Григорий Иванович одобрительно посмотрел на него и кивнул:

– Да, только одного, несмотря на все их возможности и старания, им не удалось сделать. В самой последней инстанции в Москве, из опасения, что можно ответить за такие противозаконные действия, от них безоговорочно потребовали, чтобы все было проведено – хотя бы демократически!

– Как это? – попросил уточнить Стас.

– Очень просто. Им нужно решение собрания землевладельцев Покровки, что они за то, чтобы затопить свое родное село. Хотя бы 51 процент голосов.

– И... какая же эта цифра сейчас?

Григорий Иванович достал из кармана бумагу, но не стал даже разворачивать ее:

– И так помню! – с горечью усмехнулся он. – На вчерашний день, по нашей сводке, было пятьдесят на пятьдесят...

– Надо ж – по сводке! – покачал головой Стас. – У вас тут прямо как на войне...

– А чему ты удивляешься? По сути, так оно на самом деле и есть!

– Как же так? – возмутился Стас. – Ведь есть же законы, милиция, суд, власть, наконец!

– Я же тебе все объяснил... – с легким упреком напомнил сосед. – Все куплено!

– Кто же хоть тогда стоит за всем этим беззаконием?

Григорий Иванович неопределенно пожал плечами:

– Краем уха слышал – Соколов – хозяин этих коттеджей. По слухам, причина просто смехотворная: купил новую яхту, и теперь хочет кататься на ней по здешнему озеру.

– Но ведь здесь уже есть одно озеро! Я сам видел! – воскликнул Стас.

– Это не озеро, – отрицательно покачал головой сосед. – Это пока только водосборник. Они сделали отвод от реки, собрали в него воду и готовятся обрушить все это на Покровку.

– Но для чего?!!

– А чтобы озеро было не сбоку, а прямо перед фасадом его дворца! Но мне что-то не очень-то верится в это. Сам ведь Соколов в этих местах практически не бывает. Тут всем заправляет его, как бы сказать, наместник – господин Градов... Хотя и этого у нас не часто встретишь. Он все больше в области и в Москве. Здесь всем заправляет его помощник.

– Это в Мерседесе который ездит, с желтой папкой? – вспомнив станцию, уточнил Стас.

– С желтой папкой – это правая рука Градова. Бывший актер. Этот, как его... фамилия у него, вроде, как тоже актерская, что-то из «Горе от ума»... Ах, да – Молчацкий! Дело свое, доложу тебе, делает четко, знает, с какой стороны подойти к человеку. Одних обольстил, других подкупил, третьих запугал, четвертых просто подпоил... Вот они почти половину домов и скупили.

– Ну, хорошо! А... Ваня? – напомнил о своем друге Стас.

– Что Ваня?.. – снова нахмурился сосед. – Ваня у него в наводчиках и посредниках ходит. Его же все знают, каждый в свой дом пустит. Выслушает. А он и рад стараться. Уговаривает людей продать, то есть предать дом и землю своих предков. У него ведь с каждого проданного дома – свой процент. Ну, а на вашем доме решил, наверное, сам заработать! Поэтому и решил изолировать тебя от людей, чтобы больше не предложили!

– Так вот почему он себя так вел... – догадался Стас. – Но... зачем же тогда сказал, чтобы я уезжал прямо сегодня?

– А это чтобы ты не узнал всей правды. С какими глазами смотрел бы он тогда на тебя? – ответил и на это сосед.

Стас до последнего пытался защитить своего друга:

– Но потом же ведь он разрешил мне остаться! – жалобно уточнил он.

Однако сосед был неумолим.

– Значит, совсем совесть потерял! – жестко отрезал он.

– Но Григорий Иванович, как же так? – ничего не понимая, развел Стас руками. – Он же ведь при храме работает! Богу служит!

Григорий Иванович понимающе кивнул:

– Да, работает, точнее, служит, еще точнее – прислуживает. Но вот я какую тебе, брат Вячеслав, по этому поводу притчу расскажу. Пришли накануне потопа к начавшему возводить ковчег Нюю строители и предложили свою помощь. За плату, конечно. Пришли, помогли построить спасительный ковчег, получили деньги, ушли и... погибли в волнах потопа!..

– Страшная притча! – зябко передернул плечами Стас.

– Она и меня частенько пугает! – согласился Григорий Иванович и внимательно посмотрел на Стаса: – Ты мне лучше вот что скажи: сколько он дает тебе за этот дом?

– Много! Сто пятьдесят тысяч...

– Спасибо ему и на этом! – с облегчением выдохнул Григорий Иванович и, в ответ на недоуменный взгляд Стаса, неожиданно улыбнулся: – Хоть в этом его жадность мне помогла!

– Это еще почему?

– А потому что я предлагаю тебе – двести! Дал бы и больше, но... – Григорий Иванович виновато похлопал себя по карманам: – Все деньги уходят на храм, а какие у меня теперь заработки?.. Ну, так как тебе мое предложение?

Стас посмотрел на стол, где лежали оставленные Ваней старинные вещи, на ждущего ответа соседа и забормотал:

– Да я-то не против, и, поверьте, совсем не потому, что вы больше даете! Но... что я тогда Ваньке скажу? Ведь как-то нечестно получается, это же он вызвал меня, и потом я уже почти обещал ему...

– Смотри! – поднялся со стула Григорий Иванович. – Решать тебе. Невольник, как говорится, не богомольник. Но все равно, вечером, пожалуйста, зайди ко мне, сообщи о своем окончательном решении. Чтобы мы знали: крестик или минус на вашем доме нам ставить...

– Кто это мы? – тоже поднимаясь, уточнил Стас.

– Люди! Те, кто еще борется за храм, за каждый дом, за каждую, можно сказать, душу! А теперь мне пора. Пошел узнавать окончательную дату этого самого собрания, когда, можно сказать, решится судьба Покровки... Ну, бывай, брат Вячеслав! – протянул для рукопожатия руку Григорий Иванович.

Стас на мгновение замаялся. Он так хотел помочь своему соседу и прямо тут же, сейчас уступить ему этот дом... Но пока только молча подал свою руку, и она утонула в большой, крепкой ладони этого решившего до последнего стоять за храм и Покровку человека...

– Слава Богу! – с облегчением выдохнула Лена.

Проводив Григория Ивановича, Стас – благо дождь закончился так же быстро, как и начался – бросился в огород, чтобы тоже попытать счастья найти что-нибудь древнее. Найдя большой ком явно пропущенной Ваней земли, он присел на корточки и стал старательно измельчать руками. Сверху земля была грязная, липкая, а внутри – совсем сухая. И вот в самой середине ее вдруг ощутилось что-то колючее, твердое....

– Есть! – обрадованно прошептал Стас. – Неужели... стрела? Времен Мономаха?!

Он торопливо расчистил находку и, сплюнув от досады, зашвырнул подальше в крапиву. Это был всего лишь сколок разбитой бутылки. Только зря палец порезал...

Стас поднял палец повыше и затряс рукой, чтобы быстрее остановить кровотечение.

– Эй, ты, археолух, что, тучи опять решил нагнать? – послышался вдруг насмешливый голос.

Стас оглянулся.

На крыльце дома, с той же самой сумкой, в которой она уже приносила еду, стояла Лена. Весь лоб у нее был выпачкан сажей.

– Чего это у тебя? – показал на себе Стас.

Лена вытерла рукой лоб, посмотрела на ладошку и отмахнулась:

– А! Испечкалась! В смысле, кастрюлю из печки доставала! А с тобой что? Вы что стоворились сегодня с Ванькой? – всмотревшись, удивилась она.

– А что, он тоже чего-нибудь ищет? – насторожился Стас.

– Да нет, я про то, что у тебя тоже кровь. Но у него хоть за дело, а ты...

– А я за науку! – с вызовом заявил Стас.

– Ну и зря!

– Это еще почему?

– А потому что на этом месте нет ничего! Тут раньше было болото, и найти можно разве что всадника прямо на лошади, – объяснила Лена и строго сказала: – Идем скорее домой, я тебе первую помощь оказывать буду!

Стас покорно пошел за ней следом. Он сразу же потерял интерес к своему дому.

– И надо же было нам именно этот дом купить... Ведь был же выбор! – ворчал он, стараясь не морщиться, пока Лена прижигала ранку йодом и бинтовала палец. – Купили бы дом вашей бабушки Поли!

– Зачем? Он ведь гораздо меньше и совсем уже старый... Вот-вот развалится...

Стас с сожалением посмотрел на Лену:

– Ну и что? Как ты не понимаешь! Разве же это самое главное?

– А что? – подняла она на него большие, стареющие понять глаза.

– А то, – мечтательно прищурился Стас, – что жил бы я тогда в том самом месте, где когда-то жил Мономах! Ну, и наши другие великие предки... Ходил бы прямо по их следам...

– Странный ты, Стасик! – недоуменно покачала головой Лена. – Так ведь они в любом другом месте жили!

Стас словно на невидимую преграду наткнулся. Он замолчал на полуслове и посмотрел на Лену: а и правда: как же он сам до таких очевидных вещей не додумался? Какое место России не возьми, везде там прошли до нас: трудясь и утирая на отдыхе пот, плача и радуясь, воюя и наслаждаясь редким временем мира, великие и безвестные предки...

Тем временем Лена закончила бинтовать палец Стаса и завязала аккуратный маленький бантик.

– Решено: буду сестрой милосердия! – полюбовавшись своей работой, довольно сказала она.

– Милосердия! – поправил Стас. Но Лена оставалась Леной.

– Это само собой! – согласно кивнула она и упрямо добавила: – Но я еще и мир хочу нести в каждый дом – чтобы никто в нем не пил, не ругался, не дрался...

– Дело хорошее! – одобрил Стас и только теперь заметил, что рядом с Леной нет его друга.

– А Ваня где? – не понял он.

– Дома! – как-то грустно, не сразу ответила та. – С папой остался...

– Как же это он одну тебя ко мне отпустил? – усмехнулся Стас. – Ведь ты мне теперь все можешь рассказать: и про него, и про Покровку...

Лена внимательно посмотрела на Стаса:

– Значит, ты уже все знаешь? Григорий Иванович рассказал?

– Он...

– Слава Богу! Этому человеку можно верить, – убежденно сказала Лена. – Он ведь, считай, как монах в миру живет: новой семьи после смерти жены заводить не стал, своего ничего не имеет – все у него церковное, живет в полном послушании у отца Михаила! – Макс у ведь при постриге в монахи имя другое дали – вот он теперь и отец Михаил!

– Да-да, я помню...

– Как хорошо, что ты все помнишь и уже все знаешь... – Лена и с облегчением вздохнула. – А то я всю дорогу сюда шла и мучилась. Как быть... Что делать... И надо сказать, и нельзя никак!

– Почему? – удивился Стас.

– Ну, как ты не понимаешь... Как я могла воспользоваться моментом, когда Ваня там, дома, даже если это и для его пользы?

Стас только головой покачал:

– Слушай, у вас, случайно, в роду князей или графов не было?

– Не знаю, а что?.. – даже слегка испугалась Лена.

– Да уж больно благородные у тебя порывы.

– Не смейся! Между прочим, чтобы защитить маму, он сейчас на нож пошел. И откуда у него сила только взялась? Ведь папка у нас крепкий мужчина, а когда выпьет – как вселяется в него кто, – вчетверо сильнее становится! Но Ванька как-то остановил, уговорил, уложил его. И теперь ждет, пока он крепче уснет!

– Да... – с жалостью посмотрел на Лену Стас. – И давно с ним такое?

– Ой... – как-то горько, по-бабьи, вздохнула, подражая, наверное, маме Лена. – Вообще-то он у нас раньше вовсе не пил. Мама говорит, до моего рождения крепче компота в рот

ничего не брал. Да и у Григория Ивановича он работал тогда, водителем. В любое время дня и ночи он мог его вызвать. Какое тут – пить?

Она принялась выкладывать на стол то, что принесла, и рассказывать:

– И вот как-то однажды повез он на охоту одну очень важную компанию. Сына министра, сына губернатора, само собой, Григорий Иванович с ними был, лесник и еще один человек, даже фамилию которого называть не хочу. Что там они делали, как там охотились, не знаю, но случилось так, что погиб лесник. Застрелили случайно. Подозрение сначала на всех пало, даже на сына министра.

– А разве по пуле нельзя было определить, из чьего она ружья? – недоуменно спросил Стас.

Лена пододвинула к нему тарелку с супом и вздохнула:

– В том-то и дело, что пули-то не было...

– Как это – не было?! – рука с ложкой так и остановилась на полпути ко рту Стаса. – Ты же сама сказала – убили! Навылет, что ли прошла?

– Нет, навлет. Но... до приезда милиции ее кто-то успел выковырять. Ну, а так как охотничий нож у моего отца в крови оказался – он им одежду на раненом разрезал, когда ему первую помощь оказывали, то и списали все на него... Потом говорили, что погибший не столько от выстрела, сколько от того, что его так – ножом, скончался... Отец переживал страшно. Особенно из-за этого. Доказывал всем, что не виноват. Но что – сына министра, что ли, бы посадили?

– А что, на самом деле – это он застрелил?

– Нет, – убежденно замотала головой Лена. – Папа потом, когда пить стал, сказал, что кто-кто, а Соколов тут совсем не при чем, что это все сделал тот, о котором я даже и говорить не хочу...

– Градов?

Лена пристально посмотрела на Стаса:

– Как... Ты и о нем знаешь?

Да, – подтвердил Стас. – Григорий Иванович говорил, что без его участия всех этих бед с Покровкой никак не обошлось. Вот... Гадов! Ты ведь его так, конечно же, называешь?

– Нет, – отрицательно покачала головой Лена.

– Нет? – изумился Стас. – А как же?..

Лена сжала кулачки и тихо, с отвращением произнесла:

– Адов.

Несколько минут они помолчали, потом Лена продолжила:

– Когда папка вернулся из тюрьмы, он тоже долго не пил. Сам стал лесником, заменил, как он говорил, выбывшего из строя товарища. Работал так, что ему даже орден дали: один на четырех вооруженных браконьеров не побоялся пойти. И вообще они его как огня боялись. За лес наш горой стоял. Такой новый ельник насадил, такую рощицу сделал... И все было хорошо, пока Дескатьчацкий к нему не подъехал...

– Кто? – удивился Стас.

– Ну, Молчацкий. Какая разница – мол или дескать, главное, что он не благородный, как ты говоришь, Чацкий! Между прочим, это Ванька их познакомил. Потом в магазин побежал за вином. Дальше – больше: за водкой. Словом, подпоили отца, и тот, уже сам не видя, что подписывает, поставил подпись с печатью, что лес в нашей округе никакой ценности не представляет. Что никакой беды, если он под затопление попадет, нет. Тут как тут нотариус, он с Якобычацким все время на заднем сидении ездит. И все! Когда отец проспался и понял, что наделал, то, конечно же, спохватился, стал ездить по всем инстанциям, но – поздно. Ну, а когда узнал, что за всем этим Адов стоит, то стал пить так, что, наверное, ничто ему уже не поможет...

– Неужели так-то уж и ничто?

– Ой, Стасик, – всхлипнула Лена. – Мы уж и молимся, и таблетки всякие покупали, и чего только не делаем – все без толку! Все ниже и ниже опускается наш папка... Только и успеваем следить, чтобы он спяну с собой что не сделал...

– Да... – пробормотал Стас. – Дела тут у вас...

– И с Ванькой сам видел, какая беда. Совсем в этой жадности, как в болоте, на котором раньше ваш дом стоял, утонул. И как теперь его из нее вызволить? Он ведь у нас хороший. И из-за отца вон как страдает, понимает ведь, что в этом горе и часть его вины. И сам давно измениться бы рад, а сделать с собой ничего не может. Я же ведь все это вижу!

Лена вытерла тыльной стороной ладонки слезы и умоляюще посмотрела на Стаса:

– Ты бы не уезжал так сразу, Стасик! Помоги, выручи Ваньку! Придумай что-нибудь, чтобы остаться подольше. И дом чтоб не продавать... Ведь еще и Покровку спасти надо...

Стас, жалея, взглянул на Лену и сокрушенно вздохнул:

– Тут знаешь, какой серьезный повод нужен, чтобы мне хоть какое-то время отказывать Ване?

– Да что я, маленькая, что ли, совсем? – даже обиделась девочка. – Конечно же, знаю...

Она прошла в угол, где висела старая, в цветочных украшениях из фольги, икона и, перекрестившись, прошептала:

– Господи, пошли нам, пожалуйста, этот повод! Ну хоть самый-самый малюсенький! Батюшка Тихон, помоги нам найти его!

– Что?! – пальцы Стаса зависли над клавиатурой...

И такой повод нашелся. Причем, как ни странно, словно бы сам собой. Да такой, серьезный, что Ваня просто забыл о Стасе.

Началось все с того, что он пришел, и ни на кого подозрительно не поглядывая, ни о чем не спрашивая, очевидно твердо знал, что его сестра не способна на подлость, стал разговаривать обо всем, кроме денег.

«Надо же! – подивился Стас. – Не было бы счастья, да несчастье помогло!» Перед ним был обычный Ваня. Тот самый, с которым интересно было пойти на рыбалку, поиграть в «ножички» и вообще поговорить обо всем на свете!

Но шло время, и Ваня стал постепенно меняться.

– С рукою-то что? – поначалу с заботой кивнул он на палец Стаса.

– Да вот, решил тоже что-нибудь во дворе поискать... – огорченно махнув рукой, объяснил тот.

– А я думал, в Покровском уже мода такая пошла – забинтованными ходить! – усмехнулся Ваня, показывая свою перевязанную ладонь, и, зевая, небрежно спросил: – Ну и как, нашел что-нибудь?

– Только одно бутылочное стекло...

– Все верно, под березами – подберезовики, под осинами – подосиновики. А под нашим небом – одни лишь бутылки растут... Вот будет работы нашим потомкам-археологам! – покачал головой Ваня и упрекнул: – Зря только порезался, да и я у вас уже основательно с миноискателем прошелся...

– И как – что-нибудь было? – затаил дыхание Стас.

Ваня пренебрежительно махнул рукой:

– Да так, ерунда!

– Одну «ерунду» мы уже видели! – напомнил Стас, кивая на лежавшую у подушки печать. Ваня покосился на нее, и глаза его сразу похолодели. Но голос еще оставался теплым:

– Да нет, правда, ерунда: одну или две подковы!

– Что я тебе говорила? – окидывая Стаса победным взглядом, подала голос Лена.
– Да... Не хватало мне тут еще твоего всадника с лошастью! – зябко передернул плечами тот.

Лена засмеялась, но на ее брата слова Стаса произвели неожиданное впечатление.

– Всадника? С лошастью?! – быстро переспросил он и всем телом подался вперед: – Вы что, монету нашли? Серебряную? Золотую?!

– Да нет! – поспешил успокоить его Стас, опять изумляясь мгновенной, только на этот раз в противоположную сторону, перемене в своем друге. – Это так – Ленка пошутила!..

– А то смотрите, у меня знакомый антиквар есть, через которого можно ее выгодно продать. Хорошие деньги даст, причем без всякой комиссии... – так и буравя Стаса глазами, пообещал Ваня, и его глаза подернулись мечтательным туманом. – Эх, и почему мне еще нет восемнадцати? Открыл бы свое дело! Стал бы предпринимателем...

– Бредпринимателем! – одернула его Лена и осеклась под тяжелым взглядом брата.

– Много ты понимаешь! – накинулся на нее Ваня.

Судя по всему, такой разговор начинался у них не в первый раз. И, кажется, никогда не доводил до добра. Поэтому Стас поспешил перевести его в другое русло.

Он достал ноутбук, включил и, положив рядом печать, тоном ученого спросил Ваню:

– Так: фамилия, имя, отчество, место и год рождения?

– Иван Алексеевич Будко, деревня, то есть теперь – село Покровское, одна тысяча девятьсот восемьдесят... – сразу же присмирив, начал Ваня и, оборвав себя на полуслове, нахмурившись, уточнил: – А... это еще для чего?

– Не бойся, не для налоговой комиссии! Для науки! – бегая пальцами по клавиатуре, поспешил успокоить его Стас.

– А-а!.. Ну, тогда ладно! – приосанился Ваня. – А год рождения-то зачем?

– Так положено! Чтобы в журнале, когда будут писать о находке новой печати Владимира Мономаха, сообщили и краткие сведения о том, кто ее нашел!

Лена умоляюще посмотрела на Стаса:

– А меня тоже можно? – принялась упрашивать она. – Я же ведь тоже там рядом была, землю помогала рыхлить... Хоть самыми маленькими буквами.

– Да ладно, ладно! – великодушно успокоил Стас и ее.

– Мы тоже согласны, – важно добавил Ваня и подмигнул: – Только с условием: если тебе премию за это дело давать будут, то ты уж не забудь поделиться со своим другом процентом!

– Вань! – стыдя, дернула его за рукав Лена.

– Что Вань? Стас историю уважает, – а с древности как говорится? Дружба дружбой, а денежки врозь! – значительно поднял он указательный палец.

– Во-первых, всегда говорилось: «дружба дружбой, а служба службой»! – поправил Стас Ваню. – А еще раньше – «Платон мне друг, но истина дороже...» Так вот, Ваня, я давно уже хотел спросить тебя... – не выдержал он, но тут Лена дернула за локоть уже его: рано, мол, Стасик, рано – забыл, о чем мы договаривались? И он, спохватившись, принялся продолжать расспрос:

– Я хотел тебя спросить... на какой глубине была найдена эта печать?

Ваня подумал и показал немного разведенными в стороны руками:

– Сантиметров тридцать-сорок, не больше.

– Где?

– Я же тебе говорил: в огороде бабы Поли, под камнем. Песочек там был, сухое такое место... Так еще и бумажка рядом была...

– Что?! – пальцы Стаса зависли над клавиатурой. – Какая еще бумажка?

– Ну, не бумажка, а вроде как тонкая кожа, пергамент, наверное, – поправился Ваня. – Старая вся такая, и буквы на ней старинные. Я еще удивился: ни тебе точек, ни запятых, даже пропусков между словами нет – все в один ряд! И как только люди читали?

– Не может быть... – прошептал Стас. – Ведь именно так писали в Древней Руси. Ты понимаешь, – с жаром принялся объяснять он Ване, – от времен Мономаха не осталось ни единого письменного документа. Ни одной строчки... А тут, возможно, целая его грамота! Эта печать ведь, может, к ней прикреплялась!

– Почему это «может»? Наверняка и прикреплялась, если, как вы говорите, это печать Мономаха! Я ведь там одно слово все же сумел различить. В самом конце. И даже запомнил, потому что оно хоть и наше, но совсем не по-нашему написано было...

– Какое?! – вставая из-за компьютера, закричал Стас.

Ваня припоминаяще наморщил лоб:

– Как там оно... ага, вот: Володимерь!

– Володимерь?! Но ведь именно так раньше писалось имя Мономаха! Точно – его грамота! И... где же она теперь? – боясь дышать, уточнил Стас.

– Не знаю... – развел руками Ваня. – Может, завернул в нее что-то более ценное и отнес в сарай, или ветром в какой-нибудь двор загнало...

– А может, этот ветер ее в лес или в поле унес и ищи теперь, как говорится, ветра в поле?!

– Нет, – убежденно покачал головой Ваня. – Далеко не могла улететь. Дождь тогда шел. Сильный. Наверняка, где-нибудь рядом к земле прибило... А что, – с тревогой взглянул он на Стаса, – тоже что-нибудь стоящее? Вроде печати Мономаха?

– Он еще спрашивает! – возмутился Стас. – Да это дороже десятка, сотни таких печатей!.. Нужно немедленно звонить Владимиру Всеволодовичу!

Стас схватил телефон и огорченно развел руками:

– Совсем забыл, у меня ведь на счету денег на разговоры с Москвой больше нет...

Ваня торопливо протянул ему свой:

– Звони с моего! Раз уж такое важное дело... И для науки, и вообще... После сочтемся!

Стас набрал номер, приложил трубку к уху и услышал знакомо-глуховатое:

– Да-а?

Поглощенный, словно живущий в другом, давно минувшем времени, академик будто удивлялся возможностям, до каких успела дойти наука.

– Простите, Владимир Всеволодович, – извинился Стас. – Это опять я!

– А я и не сомневался, что ты позвонишь. Что, еще что-нибудь любопытное нашли?

– Если бы любопытное...

Стас набрал побольше воздуха в грудь и выпалил:

– Владимир Всеволодович! Ванька... это мой друг – тот самый, который печать Мономаха нашел, кажется, еще и грамоту его обнаружил!!

– Что ты сказал? Аллю! Аллю! Повтори!

– Я говорю, – повысил голос Стас, – мой друг нашел не только печать, но и грамоту самого Мономаха!

Ваня, улучив момент, подскочил к Стасу и, нажав нужные кнопки, включил громкую связь. Комнату заполнил ровный, спокойный голос:

– Я думал, ослышался, но, оказывается, нет. Ты, наверное, снова ошибся, сделал неверные выводы по причине недостаточного количества информации.

– Но, Владимир Всеволодович... – пробормотал Стас, не обращая внимания на то, что Ваня обжег его уничтожающим взглядом. Лена и та отвернулась к окну.

– Да-да! – продолжало звучать из телефона. – Этого просто не может быть! Ну где, как он ее обнаружил? Как, наконец, она выглядела?

Ваня стал подробно описывать то, что спрашивал Владимир Всеволодович, а Стас слово в слово передавал его ответы.

– М-да... м-м-да-а... м-м-м-да-а-а... – слышалось с каждым разом все задумчивей. – А как далеко... я спрашиваю, на каком расстоянии от печати лежал этот пергамент?

Ваня показал пальцами: не больше двух сантиметров.

Стас охотно озвучил этот его жест.

– Очень любопытно! – сказал академик и после долгого молчания произнес: – А ты знаешь, все это, кажется, очень похоже на правду... Хотя, скажи я это своим коллегам, меня просто поднимут на смех!

Ваня в порыве восторга стукнул Стаса кулаком по плечу. Лена радостно захлопала в ладоши.

– Тихо вы! – зашикал на них Стас. – самого главного-то мы ведь еще не сказали! Видите ли, Владимир Всеволодович... – осторожно начал он.

Но академик уже ничего не желал слышать.

– Первым делом, – в его голосе зазвучала тревога, – создайте надежные условия для хранения грамоты! Дело в том, что пергамент, без малого тысячу лет пролежавший в земле, оказавшись на воздухе, может столкнуться с агрессивной, губительной для него средой и сразу начать разрушаться! Где он у вас сейчас лежит?

– Да... пока мы и сами не знаем... – замялся Стас.

– То есть как это не знаете где? – опешил ученый.

– Так я это и хочу сказать! Дело в том, что Ваня, едва найдя грамоту, сразу же потерял.

– Как это потерял?!

– Ну, куда-то положил, а куда сам не помнит!

Волнению академика уже не было предела. Куда только делось все его спокойствие!

– Пусть немедленно ищет! – гремела трубка. – Подымите на ноги всех, но отыщите, найдите этот бесценный документ!

– Скажи, пусть уточнит – в цифрах! – подался к Стасу Ваня, но Лена чуть ли не силком оттащила его назад.

– Ладно! Хорошо! – как мог, попытался успокоить академика Стас.

– Отыщите, звоните в любое время дня и ночи! В любое место! – предупредил тот и, прежде чем попрощаться, заметил: – Первый раз, кажется, я готов выразить признательность технике, за то что она изобрела мобильную связь!

Разговор закончился, и Стас протянул телефон Ване.

– Что же ты не спросил у него самого главного? – накинулся на него тот.

– Какого еще главного? – не понял Стас.

– Ну... сколько такая грамота может стоить?

– А сам ты не мог догадаться? – теперь уже сам посмотрел на него уничтожающим взглядом Стас. – На мировых аукционах такие раритеты, как минимум, за миллион долларов выставляются. И то это только их стартовая цена!

Ваня, услышав это, как угорелый сорвался с места и принялся метаться по комнате, словно ища выхода...

– Что это с тобой? Ты куда? – изумился Стас.

– Как куда?! Немедленно искать эту грамоту! – закричал Ваня, замечая, наконец, дверь.

– Я с тобой! – рванулась к нему Лена.

– Сам справлюсь! – грубым жестом отстранил ее Ваня, со всех ног бросаясь к двери. – В таком деле мне помощники и посредники не нужны...

– Бойся, что ты на грамоту потом свою долю потребуешь! – шепнул Лене Стас и крикнул вдогонку другу: – Вань! А как же мы?

Ваня только рукой махнул – мол, делайте, что хотите, разве не видите, что мне теперь не до вас, и выскочил из дома.

– И что же теперь будет? – растерянно оглянулась на Стаса Лена.

– Увидим! – сам еще не зная, как дальше быть, пожал тот плечами. – В любом случае, у нас появилось время, чтобы повлиять на него и заняться спасением Покровки.

– А что мы с тобой будем делать сейчас?

– Как это что? – удивился Стас. – Пойдем собирать информацию! Слушай, ну и богата же ваша Покровка...

– Во-первых, наша! – перебила его Лена. – А во-вторых, чем же она богата?

– Приключениями, – кивком соглашаясь с ней, отозвался Стас. – Каждый раз в ней что-то случается, когда я сюда приезжаю. И вообще, тут всегда так, наверное, было!.. – покачал он головой и вместе с Леной вышел из дома, не забыв прихватить печать Мономаха...

Одно утешение было у Славки...

«Ага! Вот они половцы! Сидят, как пни вдоль дороги... И чего не уходят? Кого ждут? Странный какой-то набег! Самый злой хан во главе отряда, а больше шума, чем дела! Бр-рр... холодно как... Им хорошо – у них костер. Второй стог, наверное, на него уже дожигают. А один целым оставили. Может, еще и на ночь решили остаться? Зачем? Почему?! Не-ет, надо все точно узнать!..»

Славко, пригибаясь, выбежал из леса и, прячась за кустами, стал подползать к сидевшим вокруг костра половцам.

Время от времени один из них вставал и, стягивая со стога большую охапку сена, подбрасывал ее в костер.

Кустарник закончился. Впереди был ручей, ива и снова кусты.

Славко улучил момент, когда в очередной раз пыхнуло от новой порции сена пламя, и перепрыгнул не замерзающий даже на зиму ручей, задев плечом закачавшуюся иву.

«Эх – заметят, всю жизнь оплакивать меня будешь!» – на ходу мысленно бросил он ей и залег в кустах, шагах в десяти от половцев.

Ветки мешали ему, но раздвигать их было опасно. Увидит У злюк его заячью шапку, не будет разбираться, заяц это или человек. А поймет, что человек, еще хуже будет...

Славко поелозил еще на животе и улегся, наконец, поудобнее.

«Вот они, совсем рядом... Налима моего жрут! А запах-то, запах от него какой...»

Половцы, уплетая за обе щеки налима, похваливали хана, меткого Узлюка, да посмеивались над своим глуповатым товарищем, Тупларем. Тот, укрывшись одной конской попоной, весь синий от холода, сушил у костра свою простую одежду. Она больше подходила для бедняка, чем для воина: старый халат, дырявая овчина, мокрые сапоги и обмотки-портянки. Сам Тупларь, наверняка, был голоден, но категорически отказывался есть человека-рыбу.

– А мне, что человека, что рыбу, что есть, что стрелять – все едино! – с набитым ртом хвастал У злюк. Этот, наоборот, был одет в хороший полушубок из овчины, ладные порты, дорогие сапоги – во все наше, русское, наверняка снятое с застреленных им людей. И шапка у него была боярская. Ел он жадно, торопясь.

Потом все внимание Славки переключилось на хана Белдуза. Светловолосый, с бородкой и усами цвета спелой пшеницы, он был без серебряного наличника. Утепленный изнутри мягким войлоком, наличник лежал рядом.

Вот он, самый ненавистный враг – сидит прямо перед ним, в дорогих доспехах, с круглой бляхой на груди, а убить его не убьешь. Как?

Стрелой из лука Узлюка? Так до него еще добежать надо. И потом ослабил на время отдыха тетиву Узлюк. Сразу видно – опытный стрелок, у него даже один глаз все время прищурен, словно постоянно ищет цель или уже прицеливается... Нет, стрелой никак не выйдет!

Тогда – саблей? Опять не получится – ведь налима греют над огнем на своих саблях поганые. Погреют, погреют, потом нанижут на ивовый прут и опять жуют...

На елку, под которой они сидят, забраться и, прыгнув на шею хана, как рысь-пардус, перекусить горло?.. Но его самого еще до того, как на первую ветку залезет, – и саблями, и стрелой...

Одно утешение было у Славки – хан то и дело морщился от боли в руке.

– Ядовитые зубы у этого русского змееныша, что ли? – шипел он, и Славко подумал о том, что знай он заранее, то, и правда, дал бы перед этим укусить себя гадюке или наелся бледных поганок...

В этот момент хан несколько раз кряду произнес имя Мономаха, и Славко насторожился.

А не засаду ли они держат тут их князю? Дед Завид, бывало, рассказывал, что Мономах не любит ездить с большой охраной. И вообще оружие и княжескую одежду он возит за собой в телеге, беря первое в случае опасности, а вторую надевая только въезжая в город... И еще дед говорил, что потерять Руси сейчас Мономаха – все равно что лишиться собственной головы.

А не обезглавить ли решили одним ударом Русь половцы?

Хан Белдуз у них самый отчаянный, с него станется...

«Ну что ж, – решил Славко. – Тогда пусть еще поживет! Если только Мономах появится, я сразу выскочу, крикну ему о засаде, и он сам расправится с моим кровным врагом! Меня, конечно, сразу убьют...»

Замечтавшись, Славко представил, как будет встречать его, героем, родная весь: в повозке, с зажженной в скрещенных руках свечой. Как будет заламывать руки, вспоминая, что это он спас ее сына, Милуша. И сокрушаться, что не выковал для него в подарок засапож-ный нож, ее муж. Как запоздало будет рыдать, прося прощения и твердя, что так не ценил Славку, дед Завид. И сам Мономах своими руками наденет на его теплую шею золотую наградную цепь – гривну...

«Бр-рр! Почему она такая холодная?» – вдруг чуть было не взвизгнул Славко. И только тут обнаружил, что задремал, а за гривну принял упавший на него с куста комок снега...

Оглядевшись, он понял, что комок упал не случайно.

Прямо под куст, за которым он прятался, кто-то бросил голову налима. Очевидно, она была так страшна, что даже Узлюк не рискнул съесть ее... И тем не менее, Славко поглядел на нее с благодарностью – ведь не будь тогда у него на спине этой рыбы...

«Надо быть внимательней! – обрывая себя на посторонней мысли, решил он. – А то Белдуз такой гривной наградит, которая петлей называется, да на этой же елке повесит. А если еще и признает меня, – любой покойник тогда мне не позавидует!»

Нет, надо тихо лежать и выполнять поручение деда Завида и терпеливо ждать, что станут делать дальше эти степняки...

Вспомнив отца, Славко с ненавистью покосился на хана...

Чем дольше лежал под кустом, наблюдая за половцами, Славко, тем все больше не мог ничего понять.

Не отдыхать же они сюда и есть налима пожаловали, в конце концов?

Тогда зачем?

Он мучительно искал ответа на этот вопрос, присматриваясь к каждому взгляду, прислушиваясь к каждому слову врагов, но это еще больше запутывало его.

В довершение всего, среди бела дня откуда-то издали послышался волчий вой. Его сменил второй, более близкий. За ним – где-то совсем рядом – третий...

«Что это? Волки луну с солнцем перепутали?» – удивился Славко, однако Узлюк неожиданно, задрвав голову, тоже завыл по-волчьи. И тогда он понял, что это дозорные половцы подали своим какой-то сигнал, а те отвечают, что слышали.

– Уходить надо, хан! – опуская голову, с тревогой в голосе сказал Узлюк. – Там что-то случилось!

– Но выли не по три раза, а только по одному. Значит, это всего-навсего, кто-то едет! Причем не такой уж и нужный нам! – поправил его Куман.

– По два раза! – упрямо стоял на своем стрелок.

– Нет, по одному! – уверенно повторил старый половец. – Просто лживое эхо ты принял за верный звук!

Хан недовольно оглядел обоих и приказал одному из своих воинов:

– А ну-ка, узнай, что там такое!

Половец быстро вскочил на коня и ускакал выполнять приказ хана.

А тот, нанизав на услужливо протянутый ему Узлюком толстый ошкуренный прут новый кусок налима, откусил большой кусок и блаженно зажмурился:

– Все думают – набег, набег... А мы тут сидим, рыбу едим! М-ммм! Вкусную, между прочим, рыбу! Сам Мономах, такую, наверное, не часто ест!

Славко, опять услышав про своего князя, на этот раз даже не насторожился.

Выслушав половец, он давно уже понял: не убить они собираются Мономаха, а обмануть. И не тут, а где-то в Степи. Здесь – только начало обмана. Но в чем? Об этом хан говорил так туманно, сознательно умалчивая самое главное, что ничего невозможно было понять...

В этом Славко никак не мог ошибиться. Что-что, а половецкий язык он знал немногим хуже, чем свою родную, русскую речь.

Помогла ему в том, сама даже того не подозревая, одна женщина, побывавшая в половецком плену, откуда ее только через два года отбили наши. Она, хоть и с неохотой, но, если Славко помогал ей в огороде, все же отвечала на его вопросы:

– А как будет по-половецки «мама»? А «красивая»? А как они говорят «найти»? А как на их языке сказать «пожалуйста»?

Только после того, как он убежал в Степь и едва живым вернулся обратно, она поняла, что наделала. Ведь Славко был таким избитым и раненым, что дед Завид даже не стал обещать наказывать его, когда он выздоровеет!

А вообще, если честно, припомнил Славко, дед Завид ни разу так и не выпорол его. Только грозился! Даже когда он срезал свисавшую с грамоты, дарованной деду Завиду самим отцом Мономаха – Всеволодом Ярославичем, огромную свинцовую печать и сделал из нее грузило, которое в тот же день, приняв за блесну, утащила щука, – его бил отец. Да так, что деду Завиду после этого и делать нечего было...

Вспомнив отца, Славко вновь с ненавистью покосился на хана, но тут к костру подскакал посланный ханом воин.

– Ничего особенного! – спешиваясь, прокричал он. – Это просто купеческий обоз!

– Далеко? – не переставая жевать, уточнил хан.

– Уже подъезжают!

– Хорошо!

«Может, я ошибся, и они тут просто этот обоз ждут? – с надеждой подумал Славко. – А что, провели через своих людей, что из Переяславля в Новгород идет ценный груз, и...»

Но хан, вопреки его предположению, отнесся к этой новости совершенно равнодушно.

Встрепенулся он только, когда старый половец, подойдя, шепнул ему что-то на ухо:

– Ты так считаешь? – покосившись на него, недоверчиво поднял бровь хан. – Думаешь, что и он здесь?

– Кто его знает? – развел руками Куман. – Одинокому ветру в пустыне всегда одиноко и страшно. Может, решил, что так безопасней. И – веселее!

– Что ж! Проверим! Заодно ноги разомнем! И тоже повеселимся! – решил хан, вставая, и только тут Славко с изумлением увидел, что он совсем мал ростом. – Все на коней!

– А я? – заметался босыми ногами на снегу Тупларь.

– А ты сиди здесь! Костер сторожи, да рыбу свою доедай! – отмахнулся от него хан.

– Слыхал? Ханский приказ! – явно издеваясь над ним, усмехнулся Узлюк. Поднатужась, он натянул на лук отдыхавшую тетиву и, запрыгнув на коня, пригрозил: – Попробуй только не выполнить!

Тупларь покорно опустил на корточки и, вздохнув, взял свою саблю с нанизанным на нее нетронутым куском налима.

Славко посмотрел на него, на удалявшихся, потрясая копьями, всадников, и понял что надо делать.

Он протянул руку к налиминой морде, спрятал под нее свою голову и, выйдя из-за куста, самым зловещим голосом, на который был только способен и который очень напоминал ханский, прошипел:

– Меня еш-ш-шь?!

Половец увидел его, икнул. Глаза его округлились от ужаса, он выронил из рук саблю и с воплем: «Оборотень! Опять человек-рыба!!» – через кустарник и ручей бросился прочь в камыши...

Славко поглядел, как он, судя по волнам камыша, убегает все дальше и дальше, затем перевел взгляд на опустевшую дорогу и смело подошел к костру.

Он схватил оставленную Тупларем саблю и уже хотел убежать, как на глаза ему вдруг попалась недоеденная ханом рыба...

Ну не оставлять же ее было ему просто так!

Славко огляделся вокруг и, увидев загаженный лошадьми снег на месте их стоянки, усмехнулся.

Ага! Вот что он им сделает...

Славко, бросив в костер ненужную ему больше налимию голову, взял ханский прут, тщательно вымазал нанизанный на нее кусок налима в свежем конском навозе и осторожно положил на место. Потом, мстительно улыбаясь, прикрыл остатки рыбьего куска на ветке Узлюка сушившейся поодаль портянкой.

Проделав все это, он увидел, что всякое движение в камыше остановилось, и услышал приближавшийся на дороге шум.

Теперь надо было, как можно скорее возвращаться назад.

Славко, прихватив с собой саблю глупого половца, прямо с куском налима, направился к кустам, но, увидев свои следы, нахмурился и покачал головой. Нет, сюда, после всего, что он сделал, идти было никак нельзя. И он, спустившись в ручей, пошлепал по воде, чтобы, через несколько десятков шагов, выйти на бесснежное место и уже с другой стороны подкрасться к костру...

Славко так и подался вперед, ожидая, что будет дальше...

Топот коней, свист, гиканье и отчаянный скрип полозьев по снегу приблизились, и, наконец, появился спасающийся от преследователей обоз.

– Господи, спаси и сохрани! – слышались отчаянные русские голоса.

– Гон-ни!!!

– Уходите, прикроем!..

Половцы тоже кричали, но что-то непередаваемое ни на один язык, устрашающе-непонятное, словно охотники на облавном лове зверя.

Лица возничих были напряжены до предела. Они бешено хлестали плетками и без того несущихся во всю мощь своих быстрых ног лошадей.

Охранявшие десяток повозок, доверху груженных товаром, пять воинов, не щадили своих жизней, защищая порученное им добро и людей. Перегибаясь в седлах, они отчаянно отбивались от наскокивавших на них со всех сторон, с копьями, половецких всадников.

Все это вихрем пронеслось мимо Славки, который успел только прижаться к земле и снова поднять голову.

Ох, что там было!

На повороте одна из повозок опасно накренилась и стала переворачиваться. На обочину полетели тугие мешки. Пропал бы и конь. Но правящий повозкой мужчина оказался не из робких, да к тому же, видать, и бывалым возничим. Выхватив из-за голенища заса-пожрый нож, он ловко перерезал постромки, вскочил на коня и верхом кинулся догонять своих.

На дороге осталось лежать только несколько мешков. Вдруг один из них – Славко даже на мгновение зажмурился и помотал головой, отгоняя видение – превратился в тень и, спрятавшись сначала за березой, о которую ударилась повозка, метнулся затем в сторону стога. Или то показалось? Да и до того ли было ему? Схватка-то продолжалась!

Отбившись от боковых наскоков половцев, всадники, прямо на скаку, перебросили себе щиты за спину и, не сбавляя скорости, тесно сомкнули строй.

Закрыв собой, словно крепостной стеной, обоз с тыла, они были готовы ко всему и наверняка уже попрощались с жизнью.

Но хан неожиданно остановил атаку, и каково же, наверное, было их изумление, когда, может, через версту, а может, через две, они поняли, что это не хитрость или уловка, а половцы на самом деле оставили их в покое. И даже не преследуют их!

Не меньше всадников был удивлен и еще больше озадачен ставший свидетелем того, что произошло, Славко.

Два сломанных копья с одной стороны да, судя по всему, легко раненный в плечо стрелой – с другой.

Вот и вся схватка.

Однако самым непонятным для него было то, что упустивший такой обоз хан был доволен!

– Конечно, два-три убитых нам бы не помешало, но хватит и этого! – показал он на перевернутую повозку и разбросанные по дороге мешки.

– Главное, того, кто нам нужен, не было с ними! – подтвердил Куман и, проткнув один из них копьем, зачихал, окутавшись вырвавшимся из мешка белым облаком.

– Мука, хан! – лизнув испачканный палец, прокричал он.

Остальные половцы кинулись к другим мешкам, но Белдуз грозным окриком остановил их:

– Стойте! Куда?! Забыли, за чем мы сюда приехали? Дались вам эти жалкие мешки, когда скоро всё-всё нашим здесь будет!

Хваля своего мудрого и хитрого хана, половцы вернулись на место, спешили и, подбросив в костер сразу две большие охапки сена, снова принялись за еду.

Вспыхнувшее пламя ярко осветило снявшего с себя серебряный налечник хана.

Славко чуть не заплакал от досады.

Вот беда: когда нечем было убить хана, тот был совсем рядом, а когда в руках оказалась сабля – то стал недосягаемо далеко.

Ему было даже не до смеха, когда Узлюк, увидев грязную портянку на своей еде, недоуменно уставился на нее:

– Ветром, что ли, ее сюда принесло?

И, зашвырнув портянку в ручей, с брезгливым выражением стал поедать свою рыбу.

– Надо всегда знать, где класть свою пищу! – нравоучительно заметил ему хан, берясь за свой прут.

Беседуя о чем-то со старым половцем, он слегка подогрел на огне свой кусок рыбы и, когда тот зашипел, зашкворчал, аппетитно покрываясь мелкими пузырьками, поднес к губам и нетерпеливо вонзил в него мелкие частые зубы.

Славко так и подался вперед, ожидая, что будет дальше... Это уже было куда интереснее!

На мгновение хан замер, словно прислушиваясь к чему-то. Потом нос его беспокойно заерзал. Затем лицо перекошилось от отвращения. И, наконец, рот брезгливо открылся, и с длинно высунутого языка на землю посыпалось то, что он еще не успел проглотить...

Плечи Славки затряслись от беззвучного смеха.

«Знай, хан, наших! – прошептал он. – То ли тебе еще будет, когда ты у меня за всё, за всё отвечать будешь-шь!» – передразнивая Белдуза, прошептал он.

А у костра тем временем началась самая настоящая паника.

Куман участливо наклонился к хану, спрашивая, что стряслось.

Но тот только хрипел и отплевывался, отмахиваясь от него больной рукой, отчего хрип перешел уже в стоны.

Половцы в испуге вскочили.

– Что случилось?

– Не подсыпали ли злые духи или русские лазутчики отравы в пищу нашему любимому хану? – гадали они.

Но злых духов, по общему мнению, отогнал бы дым от костра. А у русских не в обычае травить не то что друг друга, но даже врагов, как это принято в Византии или в той же родной их Степи.

– Что же тогда произошло?

– И вообще, почему, когда мы вернулись, у костра не было сторожа?

На все эти вопросы решил дать ответ сам хан.

Понемногу придя в себя и отдышавшись, он снова взял свой прут. Сначала тщательно обнюхал кусок налима, потом, оглядевшись, увидел на снегу пятна свежего конского навоза, человеческие следы, на которые кивком указал ему старый половец, и, наконец, сказал:

– Нет, это не яд!

Половцы с облегчением выдохнули.

Мало того, что они так боялись за жизнь своего хана, так ведь успели и сами приложиться к оставленным кускам...

Хан показал пальцем на догоравшую в костре налимию голову:

– Где тот болван, которого я оставил сторожить костер?

И тут, на свою беду, из камышей появился Тупларь.

Ему бы помедлить, выждать, пока пройдет первый, самый яростный, гнев хана. Так нет же – сунулся прямо под горячую руку.

– Ага, вот и он! Что это? – с угрозой спросил у него хан, указывая пальцем на лежавший у ног кусок рыбы.

– Оборотень! Человек-рыба! – с жаром принялся объяснять Тупларь, но хан даже слушать его не стал:

– А ну-ка, давай-ка мне плетку!

Сразу несколько услужливых рук потянулось к хану:

– Вот, хан!

– Нет, моя лучше!

– Держи!

Белдуз, не глядя, выбрал первую попавшуюся плеть и наотмашь хлестнул ей по лицу не осмелившегося даже отпрянуть половца.

– Вот тебе!

– За что, хан? – простонал тот, закрывая лицо руками, и, когда отнял их, Славко увидел на его лице косой красный рубец.

– За оборотня! Чтоб помнил его всю жизнь! – пояснил хан и недоуменно приподнял бровь: – Постой-постой! А где твоя сабля?

– Не знаю, здесь где-то была! – недоуменно закрутил головой половец, обошел костер, даже облазил все вокруг на четвереньках, и беспомощно развел руками: – А теперь нет нигде...

– Тогда и помнить тебе своего оборотня осталось недолго! – равнодушно сказал Белдуз. – Не найдешь саблю до вечера, убью!

– Хан, пощади! – рухнул на колени перед Белдузом Туплярь. – У меня ведь жена, старая мать, дети в веже остались!

Даже Славке почему-то стало жаль этого глупого половца.

Но хан был неумолим.

– Тебе же лучше будет. Ну, сам подумай, как ты без сабли вернешься домой? Тебя от презрения там конским навозом забросают! Для настоящего воина лучше потерять голову, чем саблю! И я тебе просто помогу потерять ее!

– Да какой я воин, я – пастух! – простонал Туплярь, но хан резко оборвал его.

– Я не знаю, каким пастухом ты был в Степи, но сейчас ты – воин, к тому же оставивший свой пост! И пока ты бегал от своего оборотня, здесь явно кто-то был! Эй, Узлюк! – Белдуз дал знак стрелку, и тот охотно прицелился в отпрянувшего в ужасе Тупляря.

– Постой, – поморщился хан. – До вечера еще далеко! А мое слово твердое, как скала. Сначала сходи, посмотри, куда ведут эти следы?

Узлюк направился к кустам, и Славко поежился от мысли, что было бы с ним сейчас, не догадайся он вовремя сменить место...

Несколько мгновений протянулись в тягостном ожидании...

– Тут никого нет! – послышался, наконец, издали голос Узлюка. – Следы ведут прямо в ручей!

– Я же говорил – это оборотень, рыба-человек! – чуть не плача, подал голос Туплярь.

– Как, ты еще здесь? А ну, марш искать свою саблю! – удивился хан и крикнул шлепавшему прямо по воде стрелку: – Хватит, возвращайся, Узлюк, пока ты сам в человека-рыбу не превратился!

Половцы, понемногу успокаиваясь, снова расселись вокруг костра и, за исключением хана, который решительно отказался от нового куска налима, снова принялись за еду.

Туплярь в поисках сабли принялся бродить по дороге, а Узлюк, ворча, подсел к костру, вылил из сапог воду и, по его примеру, тоже стал сушить у огня, к неудовольствию ближайших соседей, свои портянки.

Славко вдруг вспомнил, что на захваченной им сабле тоже остался кусок налима и, схватив его прямо обеими руками, так и впился в него зубами.

«Ум-мм! Вкусно! – зажмурился от удовольствия он. – Эх, жаль, не донес я его до веси. То-то бы нашим радости было!..»

Люди хотели броситься в лес. Но было уже поздно...

Долго наслаждаться едой Славке так и не пришлось. Мало того, что кусок налима, каким бы большим и твердым он ни был, кончился до обидного быстро, так где-то рядом снова послышался волчий вой.

Что это – новый обоз?

Но нет. Вой прозвучал коротко, только раз, и Куман сразу определил, что это кто-то из местных жителей идет по дороге.

Узлюк на этот раз даже не стал спорить с ним.

– Точно! Это русские! – уверенно согласился он. – Думают, что мы ушли, а тут – свои!

– На огонек, как у них говорится, идут? Ну что ж! – усмехнулся хан. – Встретим их на их же земле, как гостей. Пусть привыкают!

Он знаками расставил своих воинов в полушаге друг от друга, и те, подняв луки, замерли в ожидании.

Славко ничего не мог понять.

Неужто это уже из Осиновки послали мальчика, чтобы узнать, что тут и как?

Нет, – вскоре понял он, – на дороге появились не одна, а, по меньшей мере, с десяток фигур. Три взрослых – старик и две женщины, остальные – дети.

«Неужели дед Завид сам повел сюда наших?..»

Тоже нет – фигура старика была с двумя руками.

Шепча: «Уходите, да уходите же!», Славко попытался знаками, незаметно для половцев, предупредить их.

Но какое там!

Если половцы не видели его, находясь почти рядом, то как идущие могли разглядеть его издали?

Он уже собрался, рискуя собой, выскочить на дорогу и открыто подать знак. Но люди вдруг сами остановились и замерли, поняв свою оплошность.

Они хотели броситься в лес. Но было уже поздно.

Хан Белдуз опустил руку, и половцы одновременно спустили стрелы с тетивы своих луков.

Славко только кулак успел закусить от отчаяния.

Словно рой смертельно жалящих ос со страшным свистом понесся навстречу заматавшимся и начавшим один за другим оседать и падать на землю людям.

Пока остальные половцы налагали стрелы на тетиву для нового выстрела, Узлюк успел выпустить три стрелы и каждый раз точно попадал в цель.

– Эх! – вслух сокрушался он. – Далеко стоят, чтобы я мог на одну стрелу нанизать сразу двоих!..

Через несколько мгновений все было кончено.

Хан сам съездил осмотреть убитых и, вернувшись к костру, довольно сказал:

– Вот теперь всё, как после настоящего набега! Теперь мы спокойно можем дожидаться самого главного! Есть рыбу и ждать его!

«Значит, никого в живых не осталось!..»

Славко упал лицом на землю и принялся колотить ее своими беспомощными кулаками. Затем, нащупав рукоять сабли, хотел сам, один броситься на хана. Он был уверен, что нет на свете такой силы, будь перед ним хоть сто половцев, которая смогла бы сейчас остановить его, столько в нем было гнева и ярости.

И все же такая сила нашлась.

И этой силой оказался... он сам.

Своим быстрым и тонким чутьем Славко вдруг понял, что он не имеет права так рисковать собой.

Здесь явно происходило нечто такое, что касалось не только его вези и личных обид, но и, кажется, всей Руси.

Но – что?..

«Почему хан сказал: “как после набега”? Кого они ждут? Зачем? Что для них самое главное? – недоумевал Славко, и все новые вопросы, словно стрелы, сыпались на него... – Осинку не тронули. Остальные вези – тоже. Обоз проехал, догонять не стали! Даже пленные им не нужны! Ничего не понимаю! Может, в Переяславле или Киеве произошло что? И если произошло – то, что же?»

Глава четвертая Странный набег

– Красивая легенда... – восхищенно прошептала Лена.

Лена шла со Стасом по Покровке, искоса поглядывая на встретившихся им в самом начале пути, у колодца, двух женщин.

– Смотри, как на нас смотрят – будто бы мы с тобой парочка! Мне даже неловко как-то! – опуская глаза, прошептала она.

– Да мне кажется, они уже вообще никого не видят и, тем более, не слышат, кроме себя! – не понимая, о чем это она, равнодушно пожал плечами Стас. Его больше интересовало, из-за чего так ругаются, видно давно позабыв про ведра, соседки. Спор, конечно же, шел о судьбе Покровки, и, судя по всему, одна из женщин была на стороне Григория Ивановича, а другая уже продала или еще собиралась продать свой дом.

Шагов через пятьдесят история повторилась. Только на этот раз громко, не выбирая выражений, выясняли, кто за кого, идущие навстречу мужчины.

– Куда это они с таким воинственным видом? – кивнул, провожая их недовольным взглядом, Стас и услышал в ответ неожиданное:

– В шахматы, конечно, играть.

– В какие еще шахматы?!

– Сам, что ли, не слышишь? У них: что ни шаг, то – мат! – невесело усмехнулась Лена. – А дорога им теперь одна, после того как они от Вродебычацкого деньги получили, – к автолавке!

Из всех мужчин только один шел в противоположном направлении. Грузный, большой, неторопливый...

– Это дядя Андрей! – сказала Лена. – После удара, который случился с ним, он теперь ходит так, будто у него полный кувшин воды на голове. Ни капли старается не расплескать. Правильно, конечно, с такой болезнью нужно себя беречь, но как-то странно он это делает. Пост не признает, но диету соблюдает. Не ругается, но не из-за того, что это грешно и скверно, а только потому, что плохо воздействует на нервы... В споры не вмешивается, даже если вокруг все не правы. Он даже старается ни с кем не общаться, чтобы не было лишних эмоций. И все для того, чтобы только пожить подольше. Видишь, и нас будто бы не заметил...

Навстречу шел еще один мужчина.

Тот наоборот, еще издали в знак приветствия приподнял шляпу и, поравнявшись со Стасом и Леной, вежливо поздоровался:

– Здравствуй, Леночка! И вы, молодой человек, – если не ошибаюсь, Станислав?..

– Не ошибаетесь, Юрий Цезаревич, добрый день! – помня слова Григория Ивановича, сдержанно ответил Стас, а Лена, вздернув нос, прошла так, словно и не заметила мужчины.

Стас только головой покачал:

– Я уже знаю, что по его вине Покровка осталась без школы. Но может, хотя бы из вежливости, не стоило с ним так строго?

– А он теперь не директор школы! – решительно заявила Лена. – Раньше я хотя бы с должностью здоровалась, а теперь, лично с ним – не хочу! И потом, зачем говорить «здравствуйте» человеку, которому можно желать только болезней и скорбей, чтобы он, хотя бы в них, вспомнил о Боге?

За этими разговорами они вошли в поросший высокими липами сквер и встали перед скромным обелиском. Здесь были не только выцветшие, лежащие, наверное, еще с девятого мая венки, но и букет свежих цветов.

– Не забывают... – кивнул на них Стас, и как-то разом посерьезневшая Лена подтвердила:

– Почти каждый день кто-то, да носит. А что удивляться? Полсела на войне, считай, полегло. Да и тут такие бои шли...

– Знали бы они тогда, за что они жизнь свою отдавали! – с горечью усмехнулся, читая длинный список погибших сельчан, Стас. – За счастье этих жирующих, – кивнул он в сторону коттеджей-дворцов, – и за нищету тех, кто, не дождавшись родных с фронта, потом на своем горбу поднимал страну? За доллары, которые теперь у многих вместо очков? За то, что в стране сейчас из-за сплошного насаждаемого безвкусыя теряется все то, что копилось народом веками?

Стас, помолчав, посмотрел на обелиск, на венки и продолжил:

– Сейчас любители экстремальных развлечений, ради удовольствия и адреналина, лазают по неприступным горам, спускаются на катамаранах по смертельно опасным речкам, но это какие-то пять-семь дней, после которых они чувствуют себя настоящими героями. А тут месяцами в окопах – в дождь, в снег, в июльское пекло и февральский мороз, да еще не просто лежать, а вставать и идти на летящий прямо в тебя свинец. В глаза... в лоб... в живот... в грудь... За это они шли? За все это? – обвел он рукой вокруг.

– Нет, Стасик! – отрицательно покачала головой Лена.

– А за что же тогда?

Лена подумала и сказала:

– Может, это не современно и как-то уж громко. Но тебе скажу. Потому что ты еще можешь понять. За Родину, Стасик. За нас вот с тобой... Ведь Родина – это мама. А иногда и мама болеет. Ничего, выздоровеет и на этот раз!

Стас невольно покосился на Лену: надо ж как незаметно и, главное, правильно успела вырасти эта Покровская березка... Да и не только эмоции, но и историческая правда была в ее словах.

– Да, – согласился он, – на Руси частенько и не такое случалось. Владимир Всеволодович вообще считает, что сейчас самые счастливые и сытые времена, какие только бывали в нашей истории! Он называет это эпохой духовного возрождения и даже вторым крещением Руси!

– Вот видишь! – обрадовалась Лена и ухватила его за руку, но тут же, устыдившись такого порыва, смущенно предложила: – Значит, идем к храму?

По пути к храму они неожиданно встретили... Нину. Увидев ее, свою первую любовь, Стас засмутился, руки сразу стали мешать ему. А Нина наоборот, спокойно, как ни в чем не бывало, улыбнулась ему и погрозила пальцем Лене:

– Какая же ты красивая стала, Ленка! Смотри, Стасик, не упusti свою судьбу!

– Да ведь она же совсем еще девочка! – засмеялся тот, но Нина, вдруг погасив улыбку, вполне серьезно сказала:

– Она уже взрослая девочка, причем такая, какой ты ни в одной Москве не найдешь! А ты, Ленка, – обратилась она к не знавшей куда девать себя, Лене, – что на все это скажешь? Ты-то согласна?

– Я?.. да... – зардевшись, призналась Лена, – если только... Стасик меня подождет!

– Ну как, обещаешь ее подождать, Стас?

– Разумеется! – обращая все в шутку, пообещал тот. – Только, конечно, если она постарается подрасти!

– Хорошо... Я... постараюсь! – чуть слышно прошептала Лена, и только тут Стас понял, что ей сейчас столько же лет, сколько было ему тогда, здесь, в Покровке, когда его посетило

первое чувство к Нине, и что это было ее своеобразным признанием в любви, причем не к кому-нибудь, а к нему...

Нина покатила свою коляску дальше. Они, стараясь говорить о чем угодно, только не о только что сказанном, прошли еще несколько домов и остановились у пруда, который деревенские называли озером. По его поверхности, в отраженном небе, плыли ослепительно белые облака.

– Смотри, как похоже на Китеж-град! – воскликнул, показывая на них, Стас.

– На что? – не поняла Лена.

– Да есть такая красивая легенда о древнем городе Китеж, – Стас сам взял Лену за руку и с жаром стал говорить: – Чтобы не достаться татаро-монголам, его жители умолили Бога спрятать их в озере. Вместе со всеми своими домами, церквями и колокольнями. Говорят, до сих пор там иногда можно услышать звон колоколов...

– Красивая легенда... – восхищенно прошептала Лена и, вдруг высвободив руку, неожиданно стала совсем чужой: – Только в жизни всегда все почему-то наоборот!

– О чем это ты? – обеспокоился такой переменной в ней Стас.

– Да так... Просто нашу Покровку тоже хотят превратить в Китеж-град, только уже против нашей воли...

Только теперь до Стаса дошло, какой бестактной была его легенда в том самом месте, которому действительно угрожает такая беда. Он попытался перевести разговор в другое русло, как-то развеселить Лену, но та больше не отзывалась, и они уже молча дошли до храма, вокруг которого была высокая кирпичная ограда, а во двор вели красивые ворота. Они были широко раскрыты.

Войдя во двор, Стас сразу же понял, почему. Там стояла милицейская машина, около которой стояли отец Михаил и муж Нины – «сражант». Чуть поодаль сидел на скамейке, обстругивая длинную палку, бородатый мужчина в черной вязаной, несмотря на жару, шапочке и тонком ватнике.

– Это наш сторож Виктор! – шепнула Стасу Лена и обратилась к проходившей мимо женщине в длинной юбке и темном платочке:

– Матушка Ксения, что случилось?

– Да вот... – гневно отозвалась та. – Ироды! Супостаты! Среди бела дня нападение на храм совершили. Воспользовались временем трапезы и попытались в окно влезть! Хорошо Виктор мимо проходил, шуганул их как следует! Видишь, новую палку для метлы делает? Старую-то он об их спины обломал!

– Да... – передернула плечами Лена. – А тут кто был, может просто мальчишки озорничали?

– Если бы! Виктор говорит, взрослые были, с мешками!

– Иконы, наверное, хотели украсть! – предположил Стас.

Женщина с сомнением покачала головой:

– В том-то и дело, что мешки-то у них – тяжелые были... Но ничего, старшина у нас свой, верующий, быстро со всем разберется!

Старшина, и правда, видно уже поговорил со сторожем, с отцом Михаилом и, возвращаясь к своей машине, заметил Стаса.

– Приехал? – устремил он на него быстрый, уверенный взгляд.

– Да! – стараясь держаться как можно независимей с мужем Нины, кивнул Стас и похлопал себя по карманам: – Паспорт, прописка, виза – все в порядке!

– Не сомневаюсь! Отдыхай на здоровье! – с улыбкой кивнул ему старшина, и лицо его сделалось строгим: – Ну, а если кто вдруг угрожать или обижать станет, сразу же обращайся. Вот моя визитка!

Старшина протянул Стасу визитку и уехал.

У отца Михаила тоже не нашлось времени для долгого разговора со Стасом, который, по давней привычке назвал его отцом Максимом, но тут же, извинившись, поправился. Батюшка и бровью не повел – судя по всему, он давно успел привыкнуть к своему новому имени – и только благословил его, сказав, что ждет на ближайшей же службе.

Стас с Леной немного походили по церковному двору, вышли в калитку – ворота были уже закрыты – и, не сговариваясь, направились по дороге, ведущей на кладбище...

Стрекотали кузнечики, пели птицы, никто не мешал разговорам ни о чем и обо всем... И только визитка мешала ему, так и колола пальцы. Он тайком от Лены взглянул на нее и прочитал фамилию: старшина милиции Михаил Зацепин. Все ясно – значит, и Нинка теперь Зацепина... И хоть со времени их последней встречи он всего лишь раз-другой вспомнил о ней, и то, когда встречал чем-то похожую на нее девушку, ему почему-то вдруг стало больно. Он даже сам не понял почему. Ведь у него не было ничего с ней. Нина любила тогда совсем не его, а Ника, причем так, что едва руки на себя не наложила, точнее, наложила, но отец Тихон ее отмолил. Это он точно, со слов отца, знает. В последнее время он и вовсе о ней не вспоминал. А тут сразу: коляска, старшина и эта визитка... Нет, надо было раз и навсегда заканчивать с этим! И тогда Стас смял в кулаке визитку и незаметно откинул в кусты... Боль сразу прошла. Будто ее и не было.

«Вот и все... – усмехнулся он про себя, вдруг отчетливо понимая, что целых четыре года тлевшее в нем чувство первой любви окончательно покинуло его только сейчас. – Вот и все!»

По главной улице Покровки промчалась темная машина Молчацкого. За ней осторожно – другая. Тоже красивая иномарка синего цвета. Она явно преследовала ее.

– Странно! – кивнула на нее Лена. – У нас такой никогда не было.

– А мне другое показалось странным, – задумчиво проговорил Стас. – Вроде как Ник за рулем был...

– Никита? В Покровке?! Не может быть! – убежденно ответила Лена и пояснила: – Его отец, Игорь Игоревич, говорят, вел какое-то очень денежное дело с хозяином здешних коттеджей, Соколовым. Сначала все шло как нельзя хорошо. Но потом они так разругались, что чуть было не перестреляли друг друга, и теперь Игорь Игоревич скрывается от него.

– Ну, значит, мне показалось... – легко согласился Стас, и они продолжили путь, почему-то впервые слегка стесняясь друг друга...

– И зачем же он поехал сюда? – с болью в голосе произнесла женщина.

На кладбище была, как это всегда бывает в таких местах, торжественная, задумчивая тишина, лишь изредка нарушаемая вскриками ворон, перелетавших с ветки на ветку больших раскидистых вязов.

Лена со Стасом шли по аллеям, которые вплотную соприкасались с могилками. Одни из них были ухоженными и с оградками, другие уже провалились от старости и забвения, зияя темными мрачными дырами. Кресты сменяли пятиконечные звезды на пирамидках, и снова шли – кресты, кресты, кресты...

Было как-то неловко ступать ногами по земле, под которой покоились останки тех, что когда-то жили, дышали, болели, мокли под дождем, радовались солнцу и... тоже ходили по этому кладбищу...

– Там похоронен бывший директор совхоза. Здесь – моя первая учительница, – перечисляла Лена. – А тут наши бабушка с дедушкой! – она низко поклонилась двум белым крестам за ажурной оградкой. – До самой смерти за наш храм пострадали... Вот тут, – показала она на высокий узкий крест, – дед Капитон, это он красивый иконостас для храма вырезал. Сделал, принес, и в тот же день умер. Отец Михаил так и сказал: к Богу пошел...

Стас слушал Лену, сопровождая каждое ее слово внимательным, запоминающим взглядом. Страх смерти, панически мучивший его почти с первых сознательных лет жизни, благодаря отцу Тихону исчез раз и навсегда. На смену ему пришел другой страх, вернее, не страх, а ответственность перед Вечностью, – какой для него будет она. Ничего нового он не придумывал. Просто старался хоть изредка ходить в храм и жить – по принципу, что ученый должен быть сам первый верен своей науке – так, как издревле жили предки: по закону и совести. А жили они, – как объяснил однажды Владимир Всеволодович, – после крещения Руси по закону Божьему и совести, которая, как известно, является в человеке Божьим гласом...

– Ну вот, наконец, моя баба Поля... Здравствуй, бабушка! – подвела Стаса к темному кресту Лена и кивнула: – А рядом с ней и наш батюшка Тихон. Узнаешь? – спросила, но Стас и сам уже видел его могилу.

Около нее находилось несколько человек.

Некоторых из них Стас узнал сразу. Это были те самые люди, которые спрашивали на станции, как им сюда добраться.

Старушка сидела на скамейке и молилась по книжечке, то и дело прикладывая к глазам край носового платка. Мужчина беззвучно шевелил губами и, кажется, просил о чем-то своими словами. Две-три женщины тихонечко пели акафист. А невысокий, с рыжеватой бородкой парень, по виду художник, просто блаженно глядел на бездонное, все в белых облаках, небо.

Особое внимание Стаса привлекла очень красивая женщина, лет сорока, в темной, но очень дорогой одежде. Она стояла в углу, прислонившись к оградке, и неотрывно смотрела на овальную керамическую фотокарточку отца Тихона в самом центре креста. Стас наклонился к уху Лены, чтобы что-то сказать, но та, словно не замечая его, подошла к могиле отца Тихона и встала на колени.

– Здравствуй, батюшка! – так же просто, как только что со своей покойной бабушкой, поздоровалась она и, словно живому, повинулась: – Прости, что так долго не приходила к тебе. Но ты же ведь знаешь, что творится сейчас в нашей Покровке...

Стас поколебался – неудобно как-то было при людях опускаться на колени. Но он перешибил себя и, присоединившись к Лене, тоже прошептал: «Здравствуйте, отец Тихон!», припал с закрытыми глазами к земле лбом, и вдруг... Воображение ли было тому причиной или свершилось настоящее чудо... но он явственно, во всех красках и звуках, неожиданно увидел прекрасный – ни один, даже самый большой московский собор не в силах сравниться был с ним – храм... священников в ярких праздничных одеяниях и целое море света... услышал дивное – если бы не человеческая речь, то он сказал бы – ангельское пение...

Все это было так неожиданно и прекрасно, что Стас невольно оторвал лицо от земли и в благоговейном ужасе покосился на Лену:

– Ты тоже все это... видишь и... слышишь?..

– Нет! – сразу обо всем догадавшись, с завистью ответила та и вздохнула: – Такое у меня всего лишь один раз было, на Пасху. Только тогда мерзлая земля еще казалась не ледяной, а совсем теплой...

Стас снова прижал лоб к земле, но видение уже не повторялось. Они с Леной поднялись с колен.

– Простите, ребята, – подошел к ним мужчина. – Вы, судя по всему, здешние и были лично знакомы с отцом Тихоном. Не могли бы вы нам хоть немного рассказать о нем?

– А вы разве сами его не знали? – удивился Стас.

– Увы! – с огорчением развел руками больной.

– Ну, тогда вам, наверное, кто-нибудь рассказал о нем?

– Да нет же! Я вообще ничего не знаю о нем, кроме того, что вижу сейчас перед собой!

Стас с недоумением взглянул на мужчину:

– А каким же образом вы тогда оказались здесь?

– О-о, это целая история! – махнул совсем слабой рукой мужчина. – Но времени у нас хоть отбавляй, – он указал на остальных паломников, – вас, надеюсь, тоже сильно не утомит мой рассказ...

Он присел на скамейку и, отдышавшись, заговорил:

– Началось все с того, что я уже выписывался из больницы. Хоть и чувствовал что-то не то, врачи так и не сумели найти причину болезни. И только в последний день вдруг, на всякий случай, отправили проверять желудок. Проверили. Вернулся в палату. Уже собираю вещи, как вдруг входит медсестра и говорит, что моя выписка откладывается на несколько дней. Как? Почему? Отвечает: все вопросы к лечащему врачу. А тот говорит, у вас язва и теперь нужно посмотреть, что покажут анализы. А те показали: рак. Причем в той стадии, когда нужна немедленная операция. Сделали мне ее. Выписали. Как-то нехорошо выписали, в глаза не смотрели, когда провожали. Я так и понял: отправили умирать. Вернулся я, значит, домой. Уже никого и не хочу видеть. Одно утешение – ночи, когда во сне забываешь про самое страшное. И вот, сплю однажды и вдруг явственно слышу мужской голос: «Приезжай ко мне в Покровку. Спросишь отца Тихона, там меня все знают, и я тебе, с Божьей помощью, помогу!»

Мужчина оглядел подавшихся к нему в полном внимании слушателей – только красивая женщина по-прежнему стояла в самом углу – и продолжил:

– Проснулся я, ничего не понимаю. Какая Покровка? Какой Тихон? А на следующую ночь опять тот же голос, те же слова, только уже с добавлением, на какой поезд брать билет и куда ехать. И на третью ночь почти то же самое, только уже со строгим предупреждением дольше не медлить...

– А на четвертую? – не выдержал Стас.

– А на четвертую... я уже ехал в поезде, и вот, как видите, я здесь! – улыбнулся мужчина и с последней надеждой спросил: – Как вы думаете, он... поможет?

– Еще бы! Тем более, если сам позвал! – раздался уверенный женский голос.

Все оглянулись. Это была одна из женщин, которая пела акафист.

– Я всего лишь по совету одной знакомой сюда первый раз год назад приехала, и то помогло! – объяснила она. – А уж ей самой – и говорить нечего. Перед ее болезнью, которая даже в начальной стадии ничем и никем не лечится, даже ваша болячка, простите, просто тьфу! А теперь ничего – живет! Замуж недавно вышла, повенчалась, и помирать, как говорится, не собирается!

– А моего сына из тюрьмы освободил! – подала голос другая певшая женщина. – Когда его несправедливо в нее посадили, добрые люди посоветовали мне обратиться за помощью к батюшке Тихону. Теперь вот приехала, чтобы поблагодарить его...

Мужчина как-то сразу просветлел лицом и, благоговейно кивнув на фотографию отца Тихона, напомнил Стасу и Лене о своей просьбе:

– Вы его видели, вместе тут жили, одним воздухом, можно сказать, дышали... Может, все-таки расскажете нам о нем?

Стас переглянулся с Леной и недоуменно пожал плечами:

– Вообще-то он сам из этих краев. Друзья детства у него до сих пор тут живут: Григорий Иванович, Юрий Цезаревич, дядя Андрей... Потом тяжело заболел, после ангины сердце у него отказывать стало, это я вам как сын академика-кардиолога могу подтвердить. И он уехал лечиться в Москву. Там окончил университет, стал кандидатом наук, учителем истории, женился...

Красивая женщина неожиданно вздрогнула и стала слушать Стаса, стараясь не пропустить ни единого слова.

– Потом он пришел к вере, и за то, что стал говорить на уроках о Боге, – как водилось тогда, выгнали с работы. К тому же еще и жена от него ушла... Хорошо, в Москве у него был тоже большой друг, теперь известный академик, а тогда еще просто историк, Владимир Всево-

ловович. Он пристроил отца Тихона в археологическую партию. Но и тут произошла неприятность. Отец Тихон нашел очень ценный золотой, с рубинами, крест, который носил сам византийский император или патриарх. Начальник экспедиции, который любил такие вещи, захотел присвоить его себе. Но отец Тихон не дал. Тогда начальник выгнал его с работы и, чтобы отомстить, подбросил ему в рюкзак этот крест, а сам сообщил в милицию о пропаже. Подозрение пало, конечно, на отца Тихона. И только вмешательство Владимира Всеволодовича, который сам рисковал карьерой, спасло отца Тихона от суда. Он знал, что за начальником водилось множество грешков, связанных с воровством старинных предметов, и пригрозил, что выведет его на чистую воду, если тот не оставит отца Тихона в покое. Словом, начальник признал все происшедшее недоразумением, убедил в этом милицию, а крест передали в музей, и там, узнав обо всем, в знак благодарности, изготовили отцу Тихону точную копию этого креста. Того самого, который мы и увидели на нем, когда еще даже не знали, что это отец Тихон!..

– А увидели мы его тут рядом, недалеко от карьера! – подхватила Лена. – Почти четыре года назад. Он лежал совсем-совсем белый, почти неживой. И только все время шептал: «Господи, прости меня, грешного!» Мы со Стасиком сделали ему изуственное – то есть из уст в уста – дыхание. А там и его папа с моей мамой – она у меня медицинская сестра – подоспели.

– Дело в том, – снова взял нить разговора в свои руки Стас, – что отец Тихон почти пятнадцать лет провел в монастыре, где стал почитаемым старцем. И за это время у него не было ни одного сердечного приступа. А как только он увидел в Москве, чем живут люди: все эти казино, рестораны, рекламы, – это так страшно подействовало на него, что по дороге в родную Покровку с ним случился сердечный приступ.

– И зачем же он только поехал сюда? – с болью в голосе произнесла женщина, сына которой отец Тихон вымолил из тюрьмы. – Ну и жил бы себе в монастыре, молился бы там за нас, грешных, за всю Россию!

Стас подумал-подумал, стоит ли рассказывать, но все же сказал:

– Да нет, была у отца Тихона одна очень важная причина для того, чтобы вернуться... Болезнь-то его была далеко не случайной! В детстве он, по тогдашнему общему незнанию, помог пытавшимся разрушить Покровский храм взрослым стащить с него крест. Залез наверх, обвязал этот крест тросом, ну а они его уже дальше вниз, трактором...

– О, Господи! – испуганно прижала край носового платка к губам старушка.

– Те взрослые вскоре умерли, причем все нехорошей смертью, а отец Тихон, тогда еще Вася Голубев, тяжело заболел ангиной.

– Ну, что было дальше, мы уже слышали! – подтвердил больной мужчина и с интересом взглянул на Стаса: – А здесь, после того, как вы, говорите, нашли его, что было?

– Ой! Долго рассказывать! – махнула рукой Лена и принялась загибать пальцы: – Храм с его помощью восстановили. Крест новый поставили. Вон, видите, как сияет? Ника от наркомании спас! Гроза всей округи Макс, ой, теперь уже отец Михаил, при нем так изменился, что стал иеромонахом-священником! Нинку, когда та уже с собою покончила, воскресил! Нам все про Бога рассказал! Да, еще он папку моего тоже из тюрьмы возвратил!

– А меня вообще крестил, и, можно сказать, я его духовное чадо, то есть сын! – с трудом дождавшись своей очереди, с гордостью заявил Стас.

– И я, хоть и раньше крестилась, все равно тоже его духовная дочка! – не осталась в долгу Лена. – Я его всегда папой Тихоном звала, а он меня каждый раз целовал в головку!

– А последние слова его знаете, какие были? – не унимался Стас. – Святая – святым!

В этот самый момент солнце вышло из-за белого облака, и его луч лег прямо на фотографию отца Тихона.

Женщина вышла из угла, подошла к Лене, и, крепко притянув ее к себе, поцеловала ее голову. Затем – в щеку Стаса, и быстрыми шагами пошла по аллее. Вдали послышались ее громкие рыдания.

- Что это с ней? – встревожились люди.
- Тоже чем-то неизлечимо больна?
- Или у нее с родными что-нибудь не в порядке?
- Может быть, вы еще что-то знаете?

Стас переглянулся с Леной, и вдруг, не сговариваясь, они в один голос сказали:

- Да некогда нам – дела...
- Ну, тогда ступайте с Богом домой! – послышались благодарные, приветливые голоса.
- А вы как же? – выйдя уже из ограды, вдруг спохватилась Лена. – Поезда ведь сегодня больше не будет...

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.